

Иван Кравцов

Крестовый поход 2. Поход бедняков.

18+

Иван Кравцов

**Крестовый поход
2. Поход бедняков.**

«Автор»

2026

Кравцов И.

Крестовый поход 2. Поход бедняков. / И. Кравцов — «Автор»,
2026

Осень 1095 года. Европа охвачена лихорадочным ожиданием великого похода. Тысячи людей, вдохновлённые пламенными проповедями Петра Пустынника, бросают дома и семьи, чтобы освободить Святую Землю. Но для двух побратимов — юного воина Элезара и загадочного монаха Александра, волею судеб перенесённого из далёкого будущего, — этот путь оборачивается не только дорогой к Гробу Господню, а дорогой испытаний и потерь. Продолжение масштабного исторического романа о временах, когда решалась судьба Востока и Запада.

© Кравцов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Париж.	5
Глава 2 Париж.	11
Глава 3 Париж.	16
Глава 4 Аквитания	23
Глава 5. Дорога на юг. Клермон.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Иван Кравцов

Крестовый поход 2. Поход бедняков.

Глава 1 Париж.

— Значит, ты тоже отправляешься в Аквитанию, мой друг? — Александр похлопал по плечу Аглаека.

— Такова воля Господа и Петра, — ответил Аглаек, поправляя на плече дорожный мешок. — Раз уж господин Элезар пошёл на поправку, мне надлежит доложить обо всём нашему наставнику и вновь приняться за проповеди. Вы же знаете, без меня в этом деле не обойтись.

Аглаек состроил серьёзную мину, но глаза его лукаво блестели. Александр не выдержал и рассмеялся, и проповедник тут же подхватил его смех. Оба прекрасно помнили обстоятельства своего знакомства: как из-за этого суетливого, хитрого, не в меру пронырливого и страшно прилипчивого человека, их общему другу, юноше по имени Элезар, пришлось драться на хольмганге в Любеке. А позже они все едва не расстались с жизнью на жертвенном алтаре языческой богини Живы близ Ратибора — и всё из-за тех же пламенных, но совершенно неуместных проповедей о Крестовом походе в исполнении Аглаека.

— Что ж, как только Элезар окончательно встанет на ноги, мы присоединимся к вам, — сказал Александр, отсмеявшись. — Или, быть может, увидимся уже на церковном соборе в Клермоне. Вы ведь там будете?

— О да, мой господин Пётр ни за что не пропустит это событие, — с важностью кивнул Аглаек.

Они стояли на площади перед небольшим собором, в самом сердце Парижа. Неподаляку виднелась гостиница, в пристройке к которой Александр снял комнаты для пятерых славян — тех самых русичей, которых он и Элезар выкупили из рабства у еврейского торговца Шимона близ Лембруха. Эти люди, обязанные им свободой, поклялись сопровождать своих освободителей в паломничестве к Гробу Господню в Иерусалим.

Об этом походе Элезар дал обет своему умирающему отцу, священнику Петру из Хайтабю. Александр же, неведомым образом перенесённый на тысячу лет в прошлое из Москвы и встреченный юношей, услышал эту клятву и дал свою — помочь названному брату исполнить волю отца. Спустя множество приключений, пройдя через земли славян, Саксонию и Франкию, они обрели настоящую дружбу и присоединились к знаменитому проповеднику Петру, которого в народе уже величали Пустынником за аскетический образ жизни и почитали святым ещё при жизни. Он был не единственным проповедником, но, безусловно, самым ярким и вдохновенным. Многих других он сам благословил на проповедь. Сам же Пётр получил разрешение на неё от папы Урбана II, которому поведал о своих злоключениях в паломничестве в Иерусалим и о бедственном положении тамошних христиан, подвергавшихся гонениям и уничтожению со стороны сарацин.

Их отряд постепенно разросся. К Аглаеку и русичам присоединился юный Утред, сын знатного англосаксонского аристократа, вынужденный бежать из Англии после неудачного восстания против короля. Судьба забросила его в шайку разбойников, которые по глупости напали на лагерь Петра Пустынника под Бонди и почти все полегли. Утред уцелел лишь благодаря Александру, который сжалился над слишком юным пленником и выкупил ему жизнь.

В Париже, во время рыцарского турнира в честь Рождества Иоанна Крестителя, Элезар был тяжело ранен в конной сшибке и едва не умер. Теперь он медленно, но верно шёл на поправку, хотя всё ещё был слаб. Ещё две недели назад он не мог ходить без посторонней

помощи. Его спутники за время болезни главы их отряда неплохо обжились в городе. Трое русичей во главе с десятником Богданом нанялись вышибалами в одну из многочисленных таверн на правом берегу Сены. Крестьянин Мал, оказавшийся неожиданно ловким в плотницком деле, устроился подмастерьем к столяру. Утред каким-то непостижимым образом сумел войти в милость к самому Гастону де Шомону, главному королевскому конюху, и теперь помогал на конюшне. Александр же служил при странноприимном доме для бедняков, а всё свободное время проводил у постели выздоравливающего друга.

Элезар поправлялся в доме графа Робера де Эспине, которого он победил перед злополучным поединком на турнире. Граф, вопреки обычаю, не затаил зла на победителя. Напротив, он проявил истинное благородство: приютил раненого юношу, окружил заботой и даже позволил своей единственной дочери Жанне ухаживать за больным.

Александр часто навещал Элезара и не мог не заметить, что между молодыми людьми вспыхнуло взаимное чувство. Он искренне радовался за друга. В его представлении всё складывалось как нельзя лучше: они совершат паломничество в Иерусалим, который, как он помнил из уроков истории, будет взят крестоносцами, вернуться героями, и тогда граф, конечно же, благословит их союз.

Он даже не подозревал, что в этот самый миг Элезар уже сделал девушке предложение. И что их поход в Святую Землю может закончиться, так и не начавшись — здесь, в Париже. Если, конечно, сам Александр не решит продолжить путь в одиночестве.

— Прощаешься за меня с Элезаром? — голос Аглаека вырвал Александра из задумчивости, навеянной предстоящей разлукой.

— Что ж... конечно, — коротко ответил он. — Если он только не решит остаться здесь навсегда.

— А-а-а, — протянул Аглаек со знанием дела. — Дела сердечные. Тут разум бессилён. Я, помню, когда был молод и красив, тоже страдал по одной девице из соседней деревни. Её отец, старый скряга, и слышать обо мне не хотел. Так я что сделал? Украл у него трёх лучших кур и подбросил их в курятник к соседу. Ох, что там началось! Но это совсем другая история. А нашему Элезару сейчас просто нужно время. Возьмёт в руки меч, помашет им хорошенько — и снова станет прежним.

— Дай-то Бог, — вздохнул Александр и протянул проповеднику руку. — Прощай, Аглаек. Спасибо тебе за всё. Ты, хоть и плут, стал мне почти другом.

— Почти? — Аглаек притворно надулся, но тут же расплылся в довольной улыбке. — Ладно уж, так и быть. Даст Бог, свидимся в Клермоне. А не доведётся — так в Иерусалиме. Храни тебя Господь, Александр. И Элезара тоже храни. Он славный юноша, только горяч не в меру. Но и это пройдёт.

Они обнялись, и Аглаек, насвистывая какую-то неприличную песенку, зашагал по мостовой, направляясь к очередным пыльным дорогам Франции. Александр остался стоять на площади, провожая его взглядом. На душе у него было муторно. Он чувствовал, что вся эта история с любовью — лишь начало больших перемен, и далеко не все из них окажутся к лучшему. Как бы его случайные слова о том, что Элезар может остаться в Париже, не обернулись пророчеством.

Солнце, щедрое и ласковое даже в октябре, заливало светом небольшую комнату в доме графа де Эспине. Эта скромная по меркам замка спальня казалась Элезару почти королевскими покоем после долгих недель мучительного метания между жизнью и смертью. Стены, обитые тканями шпалерами с потускневшими от времени сценами псовой охоты, надёжно укрывали от сквозняков. Толстый слой свежей, душистой соломы на полу, прикрытый грубой, но чистой холстиной, мягко пружинил под ногами. Узкое окно, забранное не бычьим пузырьком, а пластинами слюды в свинцовом переплёте, пропускало ровно столько света, чтобы не резать глаз, но и не погружать комнату в унылый полумрак.

Элезар сидел на краю ложа. Он сам облачился не в длинную ночную рубаху, а в свою собственную одежду — тёмно-синюю шерстяную тунику и простые, но добротные штаны. Кольчугу и оружие он пока не надевал, но они лежали рядом, на кованом сундуке, вычищенные до блеска и заботливо смазанные слугами графа. Юноша чувствовал, как слабость всё ещё сковывает тело, но в голове была ясность, а сердце переполняла решимость. Сегодня он собирался сделать то, о чём грезил каждую минуту своего медленного выздоровления: просить у графа руки его дочери Жанны.

С того самого мгновения, когда он впервые открыл глаза после турнирной сшибки и увидел склонившееся над ним прекрасное лицо, обрамлённое выбившимися из-под белого платка золотистыми локонами, Элезар пропал. Жанна де Эспине была не просто милостива — в ней ощущалась та редкая внутренняя сила и доброта, которую нечасто встретишь в знатных девицах. Она не гнушалась сама менять ему повязки, смеялась его неуклюжим шуткам и, казалось, искренне радовалась каждому дню его выздоровления. Элезар, выросший среди суровых северных воинов и рано потерявший мать, впервые в жизни познал ту нежность и заботу, которую может дать только женщина.

И он полюбил. Полюбил так, как любят в семнадцать лет — без оглядки, без сомнений, всем сердцем. Александр, навещавший его почти ежедневно, быстро заметил перемену в друге и только улыбался в свою загустевшую бороду, благоразумно не касаясь этой темы. Он понимал, сколь ранимы и бурны чувства в столь юном возрасте.

Но Элезар не собирался ждать. Ему казалось, что откладывать объяснение — значит обманывать и Жанну, и самого себя. Он хотел получить благословение отца девушки сейчас, немедленно. И сегодня, чувствуя, что достаточно окреп для решительного шага, он был готов.

Жанна, как обычно, зашла к нему после утренней мессы. На ней было простое домашнее платье из тонкой голубой шерсти, перехваченное на талии узким плетёным пояском. Волосы, заплетённые в две тугие косы, были уложены короной вокруг головы и прикрыты лёгким льняным покрывалом. В руках она держала небольшой кувшин с прохладным травяным отваром. Увидев Элезара сидящим, а не лежащим, она радостно всплеснула руками, едва не разлив отвар:

— Мессир Элезар! Вы уже встали! Какое счастье! Я сейчас же прикажу подать вам завтрак и...

— Жанна, — мягко перебил её юноша, вставая и чуть покачнувшись. Девушка тут же подскочила и поддержала его под локоть. — Прошу тебя, присядь. Мне нужно сказать тебе нечто очень важное.

Жанна послушно опустилась на край ложа, с тревогой и любопытством глядя на него своими огромными глазами. Элезар взял её за руку — маленькую, тёплую, с тонкими пальцами, и почувствовал, как сердце забило где-то у самого горла.

— Жанна, — начал он, запинаясь от волнения, — я сегодня поговорю с твоим отцом.

Лицо Жанны вспыхнуло румянцем. Она опустила глаза, но руки не отняла. Несколько мгновений она молчала, а затем подняла на него взгляд, полный решимости и надежды:

— Элезар... Я очень люблю тебя. Всем сердцем. Я только о тебе и думаю все эти дни.

Юноша, не в силах более сдерживаться, привлёк её к себе и поцеловал. Это был невинный, чистый поцелуй, полный трепета и обещания. Оторвавшись друг от друга, они счастливо рассмеялись.

— Тогда я сейчас же иду к твоему отцу! — воскликнул Элезар, вскакивая.

— Ты бы хоть оделся как подобает, — остановила его Жанна, и в её глазах мелькнул озорной огонёк. — Или ты полагаешь, что просить руки дочери графа можно в домашней одежде, словно ты простой крестьянин?

— Нет, я не могу больше ждать! — решительно заявил юноша, всё же накидывая на плечи плащ и пристёгивая к поясу кинжал. — Я должен знать свою судьбу.

Жанна лишь покачала головой, провожая его взглядом.

Элезар, всё ещё чувствуя слабость, прошёл по тускло освещённому коридору, спустился по винтовой деревянной лестнице в большой зал и направился в его дальний конец, где располагались личные покои графа.

Граф Робер де Эспине, мужчина лет пятидесяти, крепкий, широкоплечий, с обветренным лицом и цепким взглядом серых глаз, происходил из старинного, но обедневшего рода. Всю жизнь он провёл в военных походах на службе у короля Филиппа I. В его облике не было ничего от изнеженных придворных — он был воином до мозга костей. Элезар искренне уважал графа и надеялся на его понимание.

Граф принял юношу в своём кабинете — небольшой комнате, заваленной свитками пергамента и счетами. Увидев вошедшего, он нахмурился:

— Элезар? Приветствую, мой мальчик. Вижу, тебе значительно лучше.

— Господин граф, — Элезар поклонился, стараясь придать голосу твёрдость. — Я пришёл просить у вас великой милости. Я полюбил вашу дочь, Жанну, и она отвечает мне взаимностью. Я прошу её руки. Я знаю, что незнатен и не имею земель, но я готов служить вам и королю верой и правдой. Я заслужу...

— Довольно! — резко оборвал его граф, и лицо его сделалось словно каменным. Он тяжело опустился в кресло и устало потёр наморщившийся лоб. — Элезар, я ценю твою честность. Ты храбрый юноша, и, видит Бог, я уважаю тебя за то, что ты одолел меня в честном бою. Я рад был приютить тебя и помочь встать на ноги. Но то, о чём ты просишь, — невозможно.

Сердце Элезара пропустило удар.

— Почему? — выдохнул он. — Если дело в моём происхождении или бедности...

— И в этом тоже, — сухо подтвердил граф. — Но главное в ином. Жанна уже обещана другому. Её брак — дело решённое, и он принесёт моему роду процветание и союз с могущественным домом. Я не могу и не стану нарушать данное слово.

— Но... — начал было Элезар, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Никаких «но», юноша! — граф стукнул кулаком по столу. — Я благодарен тебе за благородство, которое ты проявил ко мне, проигравшему, но этого недостаточно, чтобы претендовать на руку моей дочери. Ты уже получил сполна: я приютил тебя в своём доме и оплатил лечение! — Заметив, что юноша смертельно побледнел, граф чуть смягчился и продолжил мягче, пытаясь объяснить: — Пойми, Элезар, брак для знати — это не просто союз сердец. Это политика, это выживание рода. У тебя нет ничего, кроме меча и доброго имени, а этого слишком мало. Ступай. И прошу тебя, не мучь ни себя, ни Жанну. Ей тоже будет тяжело, но она дочь своего отца и примет свою судьбу.

Элезар стоял, словно громом поражённый. Он хотел что-то возразить, закричать, но слова застревали в горле. Граф смотрел на него с искренним сожалением, но непреклонно. Юноша поклонился, чувствуя, как к глазам подступают жгучие, непрощенные слёзы, и молча вышел.

Он не помнил, как добрался до своей комнаты. Жанны там уже не было. Элезар рухнул на ложе и уставился в потолок. В груди бушевала буря — отчаяние, гнев, обида, непонимание. Почему? Почему судьба так жестока к нему? Сначала смерть отца, а теперь и крушение последней светлой надежды.

В таком состоянии его и застал Александр, пришедший, как обычно, проведать друга после полудня. Монах, увидев бледное, искажённое мукой лицо Элезара, сразу всё понял. Он присел на край ложа и тихо спросил:

— Отказал?

— Да, — хрипло ответил Элезар, не поворачивая головы. — Она обещана другому. Какому-то важному придворному. А я для него — никто. Безродный бродяга.

Александр тяжело вздохнул. Он всей душой переживал за друга, но разум, закалённый жизнью в ином времени, где социальные условности были не менее, а порой и более жёсткими, подсказывал ему, что с этим ничего не поделать. Это ведь только в законах в будущем написано, что все равны. Но, кто платит больше, у того и прав побольше. И то, это на Западе такая простая формула, что у кого деньги- у того и власть. В России же всё чуть сложнее. У кого власть и сила, у того в руках жизни людей, которые имеют деньги, а уж тем более тех, кто их не имеет. И это всё Александр очень хорошо понимал. Насмотрелся с детства.

— Элезар, послушай, — начал он осторожно. — Я понимаю, тебе сейчас невыносимо больно. Но, быть может, это и к лучшему? Ты дал клятву отцу. Ты поклялся идти в Иерусалим. Мы с тобой обменялись крестами и обещали дойти до Гроба Господня вместе. Это наш путь. А мирские привязанности... они могут только отвлечь, сделать нас слабее. Может, Господь таким образом направляет тебя, убирает с твоего пути преграды?

— Преграды?! — Элезар резко сел на ложе, и глаза его сверкнули гневом. — Ты называешь мою любовь преградой?! Ты, который ничего не знаешь об этом! Ты... ты сам говорил, что мало что знаешь, кроме книг и молитв! Что ты можешь понимать?! Да ты сам хотел бросить Бога ради обычной жизни! Простой, обычной жизни! И я хочу жить, понимаешь?! Жить, а не просто исполнять клятву, словно бездушная кукла!

Александр опешил. Он никогда не видел своего друга в такой ярости, направленной на него.

— Я просто пытаюсь помочь, — тихо сказал он.

— Помочь?! — Элезар вскочил на ноги, пошатнувшись от слабости. — Ты помогаешь мне смириться, сдаться, отказаться от того, что делает меня живым?! Ты, который сам явился из другого мира, чтобы идти со мной, а теперь предлагаешь мне бросить всё и стать бездушным исполнителем клятвы? Да кто ты такой, чтобы судить?!

— Я твой друг, — твёрдо ответил Александр, тоже поднимаясь. — Твой названный брат. И я не хочу, чтобы ты погубил себя из-за девушки, которая тебе не принадлежит и никогда не будет принадлежать. Пойми, Элезар, этот мир жесток. Ты не можешь получить всё, что хочешь. Иногда нужно принять волю Божью и идти дальше.

— Воля Божья?! — горько усмехнулся юноша. — А может, это не воля Божья, а воля жадного старика и трусливого короля? Может, за свою любовь нужно бороться, а не убегать, уткнувшись в молитвенник?

— Опомнись, что ты такое говоришь?! — Александр начинал терять терпение. — И что ты сделаешь? Вызовешь графа на поединок? Похитишь Жанну? Обесчестишь её и навлечёшь на всех нас гнев короля? Ты хоть понимаешь, чем это грозит не только тебе, но и всем нам? Тем русским людям, что пошли за тобой, Утреду, мне? Мы все с тобой!

— Значит, я должен отказаться от своего счастья ради вас? — Элезар почти кричал. — Вот какова твоя дружба?!

— Моя дружба в том, чтобы уберечь тебя от глупости! — почти спокойно, но с холодной злостью ответил Александр. — Ты сейчас как раненый зверь, который мечется и готов разорвать любого.

Элезар отвернулся к стене и замолчал. Его плечи вздрагивали от беззвучных рыданий. Александр стоял посреди комнаты, чувствуя себя совершенно беспомощным и разбитым. Впервые с того самого дня, когда они встретились у дверей церкви в Хайтабю, между ними пролегла глубокая, болезненная трещина.

— Прости, — наконец выдавил из себя Элезар, не оборачиваясь. Голос его звучал глухо и надтреснуто. — Я не должен был... Просто оставь меня сейчас. Пожалуйста.

Александр хотел что-то сказать, хотел найти слова, которые могли бы исцелить эту внезапную рану, но понял, что любые слова сейчас будут не просто лишними — они лишь причинят новую боль. Он молча кивнул, хотя Элезар и не мог этого видеть, тяжело вздохнул и вышел

из комнаты, тихо притворив за собой тяжёлую дубовую дверь. В тусклом свете коридора он на мгновение прислонился лбом к холодному камню стены, пытаясь унять гулкую пустоту в груди, а затем, перекрестившись, пошёл прочь из замка, под октябрьское небо Парижа.

Глава 2 Париж.

Прошло три дня. Три бесконечно долгих, серых, пропитанных октябрьской промозглой сыростью дня. Элезар почти не покидал своей комнаты в доме графа де Эспине. К счастью граф не прогонял его. Но и Жанну юноша больше не видел. Граф отправил её в имение.

Элезар лежал на ложе, уставившись в потолок, или сидел у окна, безучастно глядя на мокрые черепичные крыши Парижа. Он плохо ел и спал.

Александр, несмотря на ссору, приходил каждый день. Он стучался в дверь, окликал друга по имени, но Элезар либо не отвечал, либо бросал короткое «оставь меня». Монах не настаивал. Он понимал, что время для примирения ещё не пришло, и просто ждал, молясь за своего названного брата в маленькой часовне при странноприимной гостинице. Он чувствовал, что эта рана в душе Элезара гораздо глубже, чем казалось поначалу, и заживать она будет долго и мучительно.

Но Элезар не молился. Его душа словно окаменела. Он не мог смириться с отказом графа. Мысль о том, что Жанна, его Жанна, с её нежным голосом и тёплыми руками, достанется другому — какому-то безликому, но, несомненно, богатому и влиятельному придворному, — жгла его изнутри калёным железом. Он должен был узнать, кто этот соперник. Должен был понять, есть ли хоть какая-то, пусть самая призрачная, надежда. Его деятельная, воинственная натура не могла принять пассивное смирение, которое проповедовал Александр. Для него борьба была единственным способом существования.

На четвёртый день, собрав остатки сил, он поднялся с ложа. Голова кружилась, в висках стучало, но решимость придавала ему твёрдости. Он оделся в свою лучшую одежду — тёмно-синюю тунику, расшитую по вороту серебряной нитью, начищенные до блеска сапоги, накинул на плечи тяжёлый плащ, и пристегнул к поясу меч. Не кинжал, а именно меч — символ его достоинства свободного воина. Он больше не был просителем, пришедшим за милостью. Он был рыцарем, готовым отстаивать своё право.

Он вышел из замка графа де Эспине, не попрощавшись ни с кем. Миновал внутренний двор, где слуги, узнав его, почтительно кланялись, и через массивные ворота вышел на узкую улочку, ведущую к реке. Его путь лежал на остров Сите, к королевскому замку.

Париж жил своей обычной жизнью, равнодушной к страданиям одного безвестного юноши. По грязным, размытым недавними дождями мостовым сновали торговцы, ремесленники, монахи, нищие. Крики зазывал, скрип тележных колёс, блеяние овец, которых гнали на рынок, — всё это сливалось в привычный городской шум. Элезар брёл сквозь эту толпу, словно в тумане, не замечая ни толчков, ни злых или призывных окриков. Он перешёл по деревянному мосту, соединявшему правый берег с островом Сите, и вскоре оказался перед стенами королевского дворца.

Дворец, построенный ещё при первых Капетингах, представлял собой суровую каменную крепость, доминировавшую над островом. Его массивные стены, укреплённые квадратными башнями, говорили о том, что короли Франции всё ещё чувствовали себя не столько хозяевами, сколько военачальниками в окружении не всегда покорных вассалов. У ворот, обитых железными полосами, стояла стража — двое дюжих воинов в кольчугах и островерхих шлемах, с длинными копьями и каплевидными щитами, на которых был грубо намалёван герб королевского дома — золотые лилии на лазоревом поле.

— Стой! Кто таков? По какому делу? — преградил ему путь старший из стражников, хмурый мужчина с пышными усами.

— Я рыцарь Элезар, сын Петра из Хайтабю, посланник епископа Шлезвига и рыцарь свиты благочестивого Петра Пустынника, — твёрдо ответил юноша, стараясь, чтобы голос зву-

чал уверенно. — У меня важное дело к Его Величеству королю Филиппу. Прошу доложить обо мне.

Стражники переглянулись. Имя Петра Пустынника, недавно побывавшего в Париже и удостоившегося аудиенции у короля, было им знакомо и вызывало определённое почтение. После недолгого совещания старший кивнул и приказал одному из своих подчинённых, которые были неподалёку, проводить посетителя в приёмную залу.

Элезара провели через внутренний двор, где суетились слуги и собаки, в одно из боковых зданий дворца. Его спутник, молодой парень с конопушками на носу, оставил юношу в небольшой комнате с каменными стенами, вдоль которых тянулись грубые деревянные скамьи. Здесь уже томилось несколько просителей — двое купцов с озабоченными лицами, монах с толстой книгой под мышкой и старуха в чёрном вдовьем платье, беззвучно шепчущая что-то под нос. Элезар присел на край скамьи и приготовился ждать.

Ждать пришлось долго, несколько часов. В комнате было холодно и сыро, пахло пылью и мышами. Элезар кутался в плащ, но озноб пробирал его до костей — сказывалась недавняя болезнь и слабость. Наконец, когда за узким окном уже начали стучаться ранние осенние сумерки, дверь отворилась, и в комнату вошёл королевский референдарий — сухой, надменный старик в богатом, расшитом золотом платье, с цепью, указывающей на его должность. Он обвёл взглядом просителей и остановился на Элезаре.

— Ты — рыцарь из свиты Петра Пустынника? — спросил он скрипучим голосом.

— Да, господин, — Элезар встал и поклонился.

— Следуй за мной. Его Величество соблаговолил принять тебя.

Сердце Элезара забилось часто-часто. Он шёл за стариком по длинным, извилистым коридорам, освещённым редкими факелами, мимо стражи, застывшей у дверей, и пытался унять дрожь в коленях. Наконец, они вошли в малый тронный зал.

Это была относительно небольшая, но богато украшенная комната. Стены её были завешаны гобеленами, изображавшими сцены из Священного Писания и подвиги Карла Великого. Вдоль стен стояли рыцари королевской гвардии — закованные в броню, с обнажёнными мечами, неподвижные, словно статуи. В глубине зала, на возвышении под балдахином из пурпурного бархата, стоял резной трон из потемневшего дуба. На нём восседал король Филипп I.

Элезар ожидал увидеть величественного монарха, подобного тем, кого описывали в рыцарских романах. Но перед ним был грузный, обрюзгший мужик с одутловатым, испещрённым красными прожилками лицом и слезящимися глазами. Его одежда, хоть и богатая, сидела на нём мешковато, а дыхание было тяжёлым и прерывистым. Несмотря на свою тучность и явные следы невоздержанной жизни, в его взгляде ещё сохранилась былая властность и хитрость многоопытного политика.

Рядом с троном, чуть позади, стоял наследный принц Людовик, прозванный в народе Толстым — совсем ещё молодой человек с непримечательной, даже несколько грубоватой внешностью, но с очень цепким, оценивающим взглядом. Он недавно в очередной раз прибыл к отцу из Вексена и пытался участвовать в управлении королевством, и придворные шептались, что именно он, а не его отец, скоро станет истинным правителем Франции. Впрочем, это скорее были разговоры от нелюбви к отцу. Ещё совсем юный Людовик ничем такого доверия не заслужил, а Филипп хоть и вёл бесконечную борьбу с баронами, но делал это твёрдо и самостоятельно.

Чуть поодаль, скрестив руки на груди и с откровенной скукой на лице, стоял высокий, надменный вельможа в роскошном плаще, подбитом мехом куницы. Его холёное, гладко выбритое лицо с тонкими, поджатыми губами выражало крайнее презрение ко всему окружающему. Элезар сразу, каким-то внутренним чутьём, понял, что это и есть тот самый «влиятельный вельможа», господин де Монфор, которому граф де Эспине обещал в жёны Жанну.

Элезар преклонил колени перед троном и склонил голову.

— Встань, — проскрипел король. Голос его был неожиданно высоким и резким. — Говори, зачем просил аудиенции. Времени у меня мало.

— Ваше Величество, — начал Элезар, стараясь, чтобы голос звучал ровно и почтительно, но достаточно твёрдо. — Меня зовут Элезар, я воин из свиты благочестивого Петра Пустычника, направляющегося по благословию папы Урбана с проповедью святого паломничества. Я прибыл в Париж, чтобы просить вашей справедливости и заступничества. Я полюбил благородную девицу Жанну де Эспине, дочь графа Робера. Она отвечает мне взаимностью. Я просил её руки у её отца, но он отказал мне, сказав, что она уже обещана другому. Я прошу вас, Ваше Величество, как верховного сюзерена и отца всех ваших подданных, рассудить нас. Я готов доказать своё право на неё в честном поединке с любым, кого вы назначите. Я готов служить вам верой и правдой до конца своих дней, если вы окажете мне эту милость.

В зале повисла напряжённая тишина. Слышно было только, как потрескивают факелы в железных кольцах. Вельможа де Монфор, стоявший поодаль, коротко хмыкнул и презрительно скривил губы. Принц Людовик смотрел на Элезара с холодным любопытством, словно на забавного зверька. Король пожевал губами, а затем заговорил:

— Граф Робер де Эспине — мой верный вассал, и я не вправе вмешиваться в его семейные дела без самой веской на то причины. Ты, юноша, хоть и храбр, и служишь, как я слышал, богоугодному делу, но ты безроден. У тебя нет ни земель, ни титула, ни богатства. Что ты можешь предложить дочери графа, кроме своей... любви? — в его устах это слово прозвучало почти как ругательство. — Любовь, увы, не кормит и не защищает замков от врагов. Брак Жанны де Эспине с господином Гуго де Монфором, моим верным советником, — король небрежно кивнул в сторону вельможи, — дело уже решённое. Этот союз выгоден короне. Я не стану его разрывать ради прихоти безвестного юноши, пусть даже и храброго. Ступай. И впредь не утруждай меня подобными просьбами. Твоё место — на поле боя, а не в дворцовых интригах.

Элезар стоял, словно поражённый молнией в самое сердце. Он ожидал чего угодно — трудных переговоров, необходимости доказывать свою доблесть, может быть, даже назначения поединка. Но не такого прямого, унижительного отказа от самого короля. Для него, выросшего в суровых северных краях, где слово конунга или ярла было высшим законом, отказ верховного сюзерена означал полное и окончательное крушение всех надежд.

Принц Людовик смотрел на него с едва заметной усмешкой. Де Монфор — с откровенным торжеством. Король уже потерял к нему интерес и махнул рукой, подзывая управляющего.

— Ваше Величество... — начал было Элезар, делая шаг вперёд.

— Аудиенция окончена! — резко бросил приведший его к королю старик, и двое гвардейцев, стоявших у дверей, выступили вперёд, давая понять, что юноше пора уходить.

Элезар, стгорая от стыда и унижения, поклонился, хотя это больше походило на судорожный кивок, и, не чуя под собой ног, вышел из зала. Он не помнил, как покинул дворец, как перешёл мост и оказался на правом берегу Сены. В его душе царил звенящая пустота. Последняя надежда рухнула. Король, тот самый король, который одним своим словом мог изменить его судьбу, просто отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Для него, Филиппа Капетинга, он был никем. Пустым местом. Пылью под ногами.

Он долго брёл по улицам, сам не зная куда, пока не оказался у стен аббатства Сен-Жермен-де-Пре. Здесь, в тени древних камней, под сенью старой колокольни, он опустился на мокрую от недавнего дождя землю и закрыл лицо руками. Ему казалось, что весь мир ополчился против него. Александр, его названный брат, призывал смириться и принять волю Божию. Граф де Эспине — отказал. Король — унизил и растоптал его последнюю надежду. Что ему оставалось? Вернуться в дом графа, возможно всё же увидеть Жанну, услышать её голос — и знать, что она принадлежит другому, что скоро станет женой этого надменного де Монфора? Нет, это было выше его сил. Это была пытка, которую он не смог бы вынести.

И тут в его памяти, словно спасительный луч света во тьме, всплыл образ Петра Пустытника о котором он только что говорил. Его горящие, полные неземного огня глаза, его вдохновенные речи, его призыв оставить всё мирское, взять крест и последовать за Христом, освободить Святую Землю от неверных. Петру не нужны были титулы и богатства. Он принимал всех — и знатных рыцарей, и нищих крестьян, и бывших разбойников, и безродных бродяг. Он видел в каждом воина Господа, чья ценность измеряется не размером кошелька или древностью рода, а силой веры и готовностью пролить кровь за святое дело.

Элезар вспомнил, с каким восторгом он слушал проповеди Петра, как загоралось его сердце, как он чувствовал себя частью чего-то огромного, великого, божественного. Он вспомнил слова Бодуэна: «Мы волки, а не овцы. И нас такими создал Господь». Там, в войске Петра, он был волком. Здесь, в Париже, он пытался стать овцой, просящей милости у сильных мира сего. И его отшвырнули прочь.

Решение пришло мгновенно, словно озарение. Он бросит всё. Он уедет из этого проклятого города, где ему нет места. Он догонит Петра Пустытника и присоединится к его святому воинству. Он пойдёт в Иерусалим не ради клятвы, данной умирающему отцу, не ради Александра, не ради спасения души. Он пойдёт ради себя самого. Ради того, чтобы забыться в битвах и лишениях, чтобы обрести новую цель, чтобы его жизнь, разбитая вдребезги, снова обрела хоть какой-то смысл. А Жанна... что ж, быть может, вернувшись из похода героем, покрытым славой и, чем чёрт не шутит, богатой добычей, он сможет потребовать её у судьбы. Или же падёт в бою с сарацинами, и тогда все его муки окончатся разом.

Он поднялся с земли, отряхнул плащ и быстрым, решительным шагом направился обратно к замку графа де Эспине. На этот раз он знал, что делать.

В замок он вошёл уже затемно. Ни с кем не заговаривая, он поднялся в свою комнату, зажгёт свечи и начал собираться. Взял только самое необходимое: оружие, кольчугу, шлем, запасную одежду, кошель с остатками серебра, огниво, бурдюк для воды и некоторые другие дорожные мелочи. Всё это он увязал в большой дорожный мешок. Затем сел за небольшой столик и, при тусклом свете лампы, написал письмо Александру. Рука его дрожала, но слова ложились на пергамент твёрдо и чётко:

«Брат мой Александр.

Прости меня за мою горячность и за те жестокие слова, что я сказал тебе в гневе. Ты был прав, и я это понимаю. Но принять твою правду я не в силах. Моя душа не может смириться с тем, что судьба отнимает у меня последнюю надежду на счастье. Я не могу здесь больше оставаться. Каждый взгляд, каждый звук в этом доме причиняет мне невыносимую боль. И не только в доме, но и во всём городе, не принявшем меня.

Я уезжаю из Парижа. Я последую за Петром Пустынником в Аквитанию, а оттуда, если будет на то воля Господа, и в Иерусалим. Я знаю, что нарушаю нашу клятву идти вместе, но сейчас наши пути должны разойтись. Ты — мой названный брат, и я люблю тебя, как брата. Никакие ссоры и расстояния этого не изменят.

Прошу тебя: отправляйся в Клермон на Собор. Передай папе Урбану письмо епископа Сигварда, которое я тебе оставляю. Оно в тубусе, на сундуке. Быть может, я ещё сумею добраться до Клермона, и мы встретимся там. Если же нет — знай, что я буду молиться за тебя у Гроба Господня. И ты молись за меня, грешного.

Прощай. Твой брат Элезар».

Он вложил письмо в кожаный тубус с печатью епископа, который оставил на самом видном месте — на крышке сундука, рядом с свечой. Перекрестился на маленький образ Богородицы, висевший в углу, и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

Было уже далеко за полночь. Дом спал. Лишь где-то в дальнем конце коридора слышался монотонный храп стражи. Элезар бесшумно спустился по лестнице, прошёл через пустой зал

и вышел во внутренний двор. Холодный октябрьский ветер ударил в лицо, но юноша даже не поёжился. Он направился к конюшне.

В конюшне было тепло и пахло сеном и лошадиным потом. Его верный конь узнал хозяина и тихонько заржал. Элезар погладил его по морде, прошептал несколько ласковых слов на датском, быстро оседлал, приторочил к седлу мешок с пожитками и вывел коня за ворота. Заспанный привратник, старый одноногий ветеран, попытался было что-то спросить, но Элезар сунул ему в руку мелкую монету и приложил палец к губам. Ветеран понимающе кивнул и, шамкая беззубым ртом, отворил воротину.

Элезар вскочил в седло, в последний раз оглянувшись на тёмные окна замка и, прищипнув коня, растворился в ночной тьме парижских улиц. Копыта звонко зацокали по булыжной мостовой, эхо заметалось между спящими домами, и вскоре всё стихло. Лишь одинокий всадник мчался сквозь ночь, прочь от разбитых надежд.

Он покидал Париж через восточные ворота, те самые, через которые несколько дней назад ушёл Аглаек. Стражники, кутавшиеся в плащи у догорающего костра, лениво окликнули его, но, увидев, что всадник один и явно не купец, не стали задерживать. Элезар выехал за городские стены и, оказавшись на открытой дороге, пустил коня рысью. Впереди лежала Аквитания, а за ними — бесконечный, манящий и пугающий путь в Святую Землю. Он не знал, что ждёт его впереди, и не хотел знать. Главное — он снова чувствовал ветер свободы в лицо и биение жизни в груди

Глава 3 Париж.

Александр привык за последние месяцы просыпаться с первыми лучами солнца. В доме при маленькой часовеньке, где он служил и жил, утро начиналось с молитвы и раздачи похлёбки нищим. Но сегодня распорядок дня поменялся. Едва открыв глаза, ещё лёжа на жёстком ложе в своей крошечной келье, он почувствовал тупую, ноющую боль в груди. Эта боль не отпускала его уже три дня, с момента ссоры с Элезаром. *«Я слишком молод для невралгии», — иронично подумал он о себе.* Александр умылся остывшей за ночь водой из ведра, наскоро прочитал утреннее правило и, надев рясу, вышел в общий зал, где уже собирались первые посетители.

Но вместо того, чтобы, как обычно, взяться за черпак и приступить к обязанностям, он подозвал к себе брата Мартина, пожилого монаха, заведовавшего раздачей, и тихо сказал:

— Брат, я сегодня отлучусь. Нужно проведать больного в городе. Управляйтесь без меня.

Мартин понимающе кивнул — он знал, что Александр помогали многим больным в Париже, а так же часто навещает раненого друга в доме графа де Эспине. Монах вышел на улицу и быстрым шагом направился к дому графа, расположенному в восточной части правобережья. Утренний Париж быстро просыпался. Торговцы раскладывали товар на лотках, подмастерья спешили в мастерские, кто-то шёл к реке, а кто-то направлялся из города. Александр не замечал ничего вокруг. Его мысли были заняты только Элезаром. После той ужасной ссоры он каждый день приходил к другу, но тот отказывался его видеть. Сегодня монах решил, что больше не будет ждать. Сначала он прокручивал в голове новые доводы для успокоения сердца друга. Но потом решил, что просто войдёт, сядет рядом и будет молчать, пока Элезар сам не заговорит. Так он думал, подходя к знакомым воротам.

Но уже у входа в он почувствовал неладное. Привратник, старик, много повидавший в битвах с графом и вынесший из них увечья, посмотрел на него каким-то странным, немного виноватым взглядом и, ничего не спрашивая, пропустил внутрь. Если последнее было обычным, так как Александра естественно хорошо знали, то взгляд заставил забеспокоиться. Александр поднялся по винтовой лестнице, прошёл по коридору и толкнул дверь в комнату Элезара.

В комнате было пусто и холодно. Ложе аккуратно застелено. Сундук раскрыт, вещи исчезли. Лишь на крышке внутри, придавленный кожаными тубусом с епископской печатью, лежал сложенный пергамент.

Александра прочитал письмо дважды, так как первый раз смысл до него не дошёл, не веря своим глазам. Хотя смысл был простой: *«Я уезжаю из Парижа. Я последую за Петром Пустынником... Прости... Прощай. Твой брат Элезар».*

Монах опустил на край ложа и долго сидел, сжимая пергамент в руке. В его груди боролись противоречивые чувства. Ему было обидно, что друг уехал не попрощавшись, но и тревожно за его судьбу. Тот совсем один, ослабевший после ранения, на осенних дорогах, кишущих разбойниками и войсками местных баронов, которые ничем не лучше. И странное, горькое облегчение — Элезар не сломался, не сдался, а пошёл своим путём. Александр вспомнил их обмен крестами, клятву идти вместе до Иерусалима. Теперь эта клятва разорвана. Или нет? Элезар просил его отправиться в Клермон и передать письмо папе. Он не отказывался от паломничества, а лишь выбрал другую дорогу. А Александр должен был пройти свой путь.

Он подумал о Жанне, но тут же вспомнил, что граф отослал дочь в имение. Она, наверное, ещё не знает об отъезде Элезара. Впрочем, Александр не смог бы ей ничем помочь, только разбередил бы рану. Он перекрестился, мысленно пожелал девушке сил и мужества и, аккуратно сложив письмо, спрятал его за пазуху. Затем взял тубус с печатью и вышел из комнаты, аккуратно притворив за собой дверь.

Внизу он наткнулся на хозяина дома.

— Он уехал? — без приветствий спросил граф и на кивок Александра продолжил: — Ну и к лучшему. Признаюсь, юноша мне нравится и я боялся, что он наделает глупостей. Хотя он и наделал! Мне доложили, что он ходил к королю. И слава Спасителю, что всё обошлось. А вы что думаете делать молодой человек? Мне кажется, в Париже скоро начнут говорить о вашей святости. Говорят больные и страждущие идут к вам целой вереницей, и вы чуть ли не наложением рук их исцеляете. Думаете остаться здесь?

-Нет, мой путь лежит дальше. Что же до больных, то я могу помочь лишь немногим. Я не лекарь и уж точно не святой.

-Что же. Храни вас Бог. И если встретите Элезара... Скажите, что б не держал зла и простил, если сможет. Он хороший юноша, должен понимать силу клятвы, и мне неприятно думать, что он мог бы посчитать меня гордецом, который ценит происхождение или богатство выше чести.

-Обязательно передам. Что-то подсказывает мне, что мы с ним скоро увидимся. Храни вас Бог.

Тепло попрощавшись с графом Александр покинул его всё же долго бывший гостеприимным дом.

Сборы заняли два дня. Александр первым делом отправился в таверну, где работали вышибалами четверо русичей — Богдан, Ратмир, Иван и Василий. Он застал их за обычным занятием: Богдан и Ратмир выкидывали из дверей какого-то пьяного мастерового, а Иван, прислонившись к косяку, лениво поучал его:

— Ты, мил человек, больше сюда не ходи. Нечего тебе тут делать. Иди к жене, проспись.

Впрочем, мастеровой их точно не понимал. И потому что был мертвецки пьян, и потому что и трезвым вряд ли понял бы язык славян. А дикой смесью вульгарной латыни, франкского и нормандского, на которой говорили многие простые франки, русичи владели крайне плохо. Хотя и понахватались невольно самых ходовых фраз.

Увидев Александра, вышибалы оживились. За те месяцы, что они провели вместе, монах стал для них не просто спутником, а почти отцом-наставником, хотя он был и младше Богдана и Василия и ненамного был старше Ивана и Ратмира, которым миновало двадцать лет. Но они уважали его за учёность, за твёрдость в вере и за то, что, несмотря на духовный сан, не гнушался брать в руки оружие. Они так же конечно были благодарны за то, что он выкупил их из рабства. И потому их отношение было в высшей степени почтительным.

— Отче! — радостно воскликнул Богдан, отряхивая руки. — С чем пожаловал? Как там боярин Элезар?

Александр только вздохнул тяжко.

— Элезар уехал из Парижа. Один! Отправился за Петром в Аквитанию.

Русичи переглянулись. Богдан нахмурился.

— Как же так? А мы? А ты?

— Я отправляюсь в Клермон, на большой церковный собор. Элезар просил меня передать папе важное письмо. И я хочу, чтобы вы пошли со мной.

— А что же Элезар? — спросил Ратмир, молодой светловолосый воин с открытым лицом. — Мы ему клялись в верности. Негоже нам бросать его.

— Вы и не бросаете, — твёрдо ответил Александр. — Он вправе выбирать свой путь. А наш путь — в Клермон. Там, даст Бог, мы и встретимся. Если же нет, то пойдём в Иерусалим и найдём его там или в дороге. Но без вас я не справлюсь. Вы нужны мне.

Богдан, поразмыслив, кивнул.

— Добро, отче. Мы с тобой. Ты нас из рабства выкупил, ты нас и веди. А с боярином ещё свидимся, Бог даст.

Остальные поддержали его. Оставался Мал, который работал подмастерьем у столяра. Нашли его в мастерской, всего в стружках и опилках, где он, высунув язык от усердия, вырезал затейливый узор на спинке кресла. Причём топором. Узнав о случившемся Мал ни секунды не колебался:

— Я с вами, брате. Плотничать я и в Иерусалиме смогу, если Господь доведёт. А бросать своих грех.

Последним Александр навестил Утреда на королевской конюшне. Юный англичанин, облачённый в кожаную безрукавку, чистил гнедого жеребца из личной конюшни принца. Увидев Александра, он просиял и, бросив работу, подбежал к нему. За время, проведённое в Париже, Утред немного окреп, раздался в плечах, и хотя лицо всё ещё сохраняло юношескую мягкость, в глазах появилась недетская твёрдость. Александр рассказал ему об отъезде Элезара и о своих планах.

— Я иду с тобой, — не раздумывая, заявил Утред. — Ты спас мне жизнь. И я твой должник. К тому же, мой отец всегда говорил, что мужчина должен держаться тех, кому может доверить свою спину, а вам я доверяю как себе. Я с вами.

Александр почему-то улыбнулся, но с благодарностью похлопал юношу по плечу. Утред был для него не просто спутником. С того самого дня, когда он спас его в Бонди, монах чувствовал к этому мальчику почти отцовскую привязанность. Он видел в нём нерастраченную чистоту, благородство, унаследованное по происхождению, и одновременно глубокую душевную рану от потери дома и семьи. Александр поклялся, что уберёжёт Утреда, чего бы это ни стоило. Впрочем, клятв этих он себе надавал уже столько, что боялся, сдюжит ли.

На следующее утро, в день святого Луки, маленький отряд из шести всадников выехал из южных ворот Парижа. Александр, облачённый в кольчугу поверх подрясника, с мечом на поясе и арбалетом у седла, возглавлял процессию. Рядом с ним ехал Утред на поджаром сером коне, подаренном ему главным конюхом Гастоном де Шомоном в знак признания его усердия. Этот аристократ вообще испытывал к юноше странную симпатию, возможно что-то зная о его происхождении или по иным причинам. Позади следовали русичи: Богдан с Ратмиром и Василий с Малом и замыкал процессию Иван. У каждого за спиной висел круглый щит, в руках — длинное копьё, а на поясе — меч или топор. В перемётных сумках и мешках за плечами — провизия на несколько дней, бурдюки с водой и вином и прочая дорожные вещи.

Дорога на юг, к Орлеану и Туру, была оживлённой. Несмотря на осеннюю распутицу, по ней тянулись бесконечные вереницы путников: купеческие караваны с товарами из Аквитании и Шампани, паломники, бредущие к святым местам, одинокие рыцари в поисках службы, бродячие монахи, крестьяне, перегоняющие скот и везущие урожай на зимние ярмарки. Слухи о предстоящем великом соборе в Клермоне и о возможном походе на Иерусалим разносились по всей Франкии, даже по всей Европе, будоража умы и заставляя тысячи людей бросать имущество и уходить из родных краёв. Александр, глядя на этот людской поток, невольно сравнивал его с картинами из учебников истории своего времени. Тогда, в далёком будущем, сидя в светлой и прохладной аудитории семинарии, он воспринимал Крестовые походы как нечто далёкое и почти мифическое. Теперь же он сам был частью этого грандиозного исторического движения, и от этого у него захватывало дух.

Первый день пути прошёл спокойно. Ночевали в стороне от основной дороги в монастыре Святого Тибо, который располагался на месте бывшей римской усадьбы в деревушке Меревиль. Место это им посоветовали встреченные по дороге паломники. И теперь уставшие путники, проведшие на ногах по прикидкам Александра больше четырнадцати часов, не пожалели, что чуть отклонились с маршрута. Тут они нашли кров и даже сытный ужин. Монастырь был небольшим, не древним, но уже очень богатым, расположившись в удачном месте, неподалёку от пути в Орлеан, в Тур и другие города центра и юга Франции. При этом, находясь

в густом лесном массиве, он имел повсюду в окрестностях плодородные поля, с которых уже успели собрать урожай. Монахи же, разумеется после щедрых пожертвований, были весьма гостеприимны и добры к паломникам.

Утред, как всегда, помогал Александру с конём, а потом долго сидел у очага в домике, что им выделили на всех, слушая переводимые монахом рассказы русичей о их родных землях. Мал, оказавшийся не только умелым плотником, но и неплохим сказителем, поведал историю о киевском богатыре Добрыне Никитиче, который пошёл служить князю Владимиру и победил подлого змея в земле новгородской. Утред слушал, открыв рот, и Александр, глядя на него, невольно улыбался. Ему вспомнилось, как в детстве он сам зачитывался былинами о русских богатырях. Странно было осознавать, что герои этих былин жили всего в нескольких десятилетиях от нынешнего времени. Даже и в будущем можно найти могилу в Киево-Печерской Лавре, где похоронен легендарный богатырь Илья Муромец, принявший перед смертью постриг в монахи. Но сейчас это ощущалось как-то ближе. Как если бы поехав сейчас в Киев, то можно было бы встретить там легендарных богатырей и выпить с ними братину.

Следующие два дня были более трудными. Дорогу развезло, кони вязли в грязи, продвигались медленно. Александр, непривычный к долгим конным переходам, к вечеру еле держался в седле от усталости. Но он не подавал виду, помня о своей роли предводителя этих людей. Утред, напротив, чувствовал себя в седле как рыба в воде и часто подъезжал к монаху, деликатно, что бы остальные не поняли, предлагал помощь. Александр был благодарен ему за это.

На привалах, сидя у костра, Александр часто погружался в раздумья об Элезаре. Где он сейчас? Догнал ли Петра? Жив ли? Вспоминал их первую встречу у церкви в Хайтабю, когда он, растерянный и испуганный человек из будущего, увидел этого светловолосого юношу с огромными голубыми глазами, который приютил его, не задавая лишних вопросов. Вспоминал их совместные приключения. Поединок в Любеке, плен у язычников в Ратиборе и последующую пьянку, выкуп русичей, ночную схватку с разбойниками в Бонди. Вспоминал их клятву в Париже, обмен крестами. И каждый раз сердце его сжималось от тревоги. «Господи, сохрани его и помилуй, — мысленно молился он. — Он хороший, просто горячий слишком. Не дай ему погибнуть по глупости».

Богдан, заметив его состояние, однажды вечером подсел поближе и тихо сказал:

— Не кручинься, отче. Элезар крепкий, как клинок. Он выживет. И мы ещё встретимся с ним, вот увидишь.

— Дай-то Бог, — вздохнул Александр.

— А ты сам-то, отче, откуда будешь? — неожиданно спросил Богдан. — Мы-то с Владимира-Волынского. Утред — вроде бы как из Англии этой островной. Элезар — датчанин или франк. А ты? Говоришь по-нашему, но выговор чудной, будто бы ненашенский. И молитвы читаешь немного не так. Не как латиняне, но и не как греки или у нас.

Александр задумался. Он давно ждал этого вопроса, но не знал, как ответить. Рассказывать правду о том, что он из будущего точно нельзя. Но и врать не хотелось.

— Я издалека, Богдан. Очень издалека. Моя родина Русь-Матушка, но покинул её многие годы от сей поры. Отсюда и выговор, от того, что учился много как говорят у греков и латинян. А молюсь я так, как учили меня мои наставники. Это не ересь, если ты об этом. Слышал я у нас на Руси порой в двух соседних городах разные молитвословы, а вот меня учили правильно, поверь. Так что тут удивляться нечему.

Богдан кивнул, удовлетворившись ответом. Русичи вообще были не слишком любопытны к прошлому своих спутников. Главное для них было — что человек надёжен в бою и не предаст. А Александр это уже доказал.

К концу четвёртого дня пути впереди показались башни и стены Тура. Город, расположенный на южном берегу Луары, встретил путников величественным звоном колоколов и

шумом большого торго. Тур был одним из главных религиозных центров Франции, уступая в этом, пожалуй, лишь Реймсу и самому Парижу. Здесь, в знаменитой базилике Святого Мартина, покоились мощи одного из самых почитаемых святых Западной Европы — Мартина Турского, римского воина, ставшего епископом и прославившегося своим милосердием. Тысячи паломников со всех концов христианского мира стекались сюда, чтобы поклониться святыне. Забавно, что жители Тура когда-то просто выкрали тело Святого из располагавшегося неподалёку Канде, а теперь извлекали выгоду для города из тела почившего. Впрочем, ни святости мощей, ни набожности самих жителей это не уменьшало.

Город был обнесён старой, но всё ещё крепкой каменной стеной, построенной ещё при Каролингах. Над стеной возвышались квадратные башни с островерхими крышами, крытыми красной черепицей. Ворота, через которые въехал отряд Александра, были украшены полустёртыми барельефами, изображавшими сцены из жизни святого Мартина: как он, будучи ещё воином, разрезал свой плащ мечом и отдал половину замёрзшему нищему; как он отказался от военной службы, чтобы посвятить себя Богу; как он изгонял бесов и исцелял больных.

Улицы Тура, в отличие от хаотичного правобережного Парижа, были более прямыми и широкими. Многие из них были вымощены грубым булыжником, а вдоль домов тянулись деревянные галереи на столбах чем-то похожие на аварийные дорожки во время ремонтов из будущего. Они надёжно защищали прохожих от солнца, дождя и помоев. Между ними были широки улицы, где разъезжалось пара повозок. Дома здесь были в основном каменные в нижних этажах и деревянные в верхних, с высокими островерхими крышами, крытыми тёмной дранкой или красной черепицей. Город производил впечатление зажиточного и ухоженного. Сады и виноградники подступали почти к самым стенам, а за рекой, на северном берегу, виднелись зелёные холмы, усеянные вилами знати и небольшими монастырями.

Александр снял для своего отряда комнаты на постоялом дворе «Красный петух», расположенном неподалёку от базилики Святого Мартина. Хозяин, толстый и добродушный турец с седыми усами и вечно подмигивающим левым глазом, узнав, что они направляются в Клермон на собор, проникся уважением и даже сделал небольшую скидку. Хотя Александр подозревал, что скидка была сделана с суммы, вдвое превышающей обычную цену, ведь других свободных мест для жилья в городе не было. Комнаты были маленькие, но чистые, с деревянными кроватями, набитыми свежей соломой, и небольшими очагами для обогрева. Путники разместились, распаковали вещи, поужинали сытной похлёбкой с бобами и копчёной свиной и, несмотря на усталость, решили не откладывать посещение главной святыни города.

Базилика Святого Мартина поражала воображение. Это было огромное каменное здание в суровом романском стиле, с массивными стенами, узкими окнами-бойницами, полукруглыми арками и высокой колокольной, увенчанной каменным крестом. Внутри царил таинственный полумрак, рассеиваемый лишь мерцанием сотен свечей и тусклым светом, проникавшим сквозь цветные витражи. Паломники со всей Европы благоговейно прикладывались к серебряной раке с мощами святого Мартина, стоявшей в крипте под главным алтарём. Воздух был густым от запаха горелых свечей.

Александр и его спутники протиснулись с постоянно циркулировавшей к входу и выходу толпой, преклонили колени перед ракой и помолились. Александр молился за Элезара, за успех их предприятия, за всех своих спутников. Он просил у святого Мартина, который сам был воином, защиты в предстоящем опасном пути. Утред, стоявший рядом, крестился с таким искренним усердием и шептал молитвы о некоем Роббере, что у Александра сжалось сердце. Русичи клали земные поклоны, что вызывало удивлённые взгляды местных, но никто им не препятствовал. В базилике привыкли к паломникам из самых разных земель.

После молитвы Александр разговорился с одним из каноников, служивших при базилике, сухоньким старичком с живыми, умными глазами и седой бородкой клинышком. И тот охотно поделился новостями.

— Да, сын мой, весь христианский мир пришёл в движение, — говорил он, понизив голос и оглядываясь по сторонам. — Пётр Пустынный, говорят движется на юг, через Аквитанию, к Клермону. За ним идут тысячи и тысячи — мужчины, женщины, даже дети с грудными младенцами. Все они хотят в Иерусалим. Говорят, сам Папа Урбан прибудет в Клермон к празднику Всех Святых и скажет великую речь. Он призовет всех верных к освобождению Гроба Господня. Многие наши прихожане уже собираются в путь. Даже я, старик, и то подумываю, не тряхнуть ли стариной. — Он усмехнулся, но в его глазах мелькнула искра подлинного воодушевления.

— А что слышно о рыцарях, которые с Петром? — осторожно спросил Александр. — Нет ли среди них одного юноши, по имени Элезар? Он из датских земель, светловолосый, с голубыми глазами, лет семнадцати.

— О, сын мой, кто же упомнит всех? — развёл руками каноник. — С Петром идут сотни рыцарей, и с каждым днём их становится всё больше. Говорят, к нему присоединился и некий Готье, по прозвищу Нищий, хотя он вовсе не нищ, а довольно состоятельный сеньор. Есть и немцы, и лотарингцы, и фламандцы, и аквитанцы. Имена многих мне неведомы. Но если твой друг с Петром, то он в доброй компании. Пётр, как всем известно святой жизни человек. Храни его Господь!

Александр поблагодарил каноника и, выйдя из базилики, погрузился в раздумья. Если Элезар добрался до Петра, а это скорее всего так, то он где-то на пути в Аквитанию. Это успокаивало, но лишь отчасти. Он помнил из учебников истории, что народный крестовый поход под предводительством Готье Нищего, а теперь, как он вспомнил, и Петра Пустынного закончится трагически. Плохо организованные, недисциплинированные толпы крестьян и бедных рыцарей будут почти полностью истреблены сарацинами, ещё не дойдя до Иерусалима. Александр не знал точных дат и подробностей, но общая картина вырисовывалась мрачная. Если Элезар останется с Петром, его жизнь будет в огромной опасности. А был ли Пётр Пустынный в Клермоне или сразу отправился в Иерусалим — Александр не знал или не помнил. Но всё же надеялся, что Клермон тот не минует. Однако и беспокойство за друга не отпускало.

Вечером они собрались в общей зале «Красного петуха», где было шумно и дымно. За длинными столами сидели купцы, паломники, рыцари, монахи. Все они обсуждали одно и то же — грядущий собор в Клермоне и поход на Иерусалим. Александр заказал для своих спутников жареную речную рыбу, хлеб, сыр и по кружке местного красного вина, славящегося на всю округу. Сам он ел мало, больше слушал разговоры и наблюдал за Утрedom. Юноша, казалось, был полностью поглощён атмосферой всеобщего воодушевления. Его глаза горели, он жадно ловил каждое слово о подвигах и сражениях, о богатствах Востока и славе, ожидающей воинов Христовых. Александр вспомнил себя в его возрасте. Такое же горячее сердце, жажда приключений, вера в высокие идеалы. А потом вспомнил, к каким сомнениям и событиям его это привело. И ему стало страшно за мальчика. Он положил руку на плечо Утреда и тихо сказал:

— Утрeд, послушай меня. То, что нас ждёт впереди — это не рыцарский роман. Это будет тяжело, грязно, страшно, опасно и тошнотворно. Многие из тех, кто сейчас с восторгом говорит о походе, никогда не вернутся домой. Ты должен быть готов к этому. И ты должен помнить, что твоя жизнь — это не только твоя жизнь. Ты нужен Господу. Ты нужен мне и Элезару. Мы — твоя семья теперь. Не бросайся бездумно в опасность. Обещай мне это.

Утрeд посмотрел на него своими огромными, чистыми глазами и серьёзно кивнул.

— Я понимаю, Александр. И я обещаю. Я не подведу тебя.

Монах облегчённо вздохнул. В этот момент он чувствовал себя не просто спутником или наставником, а почти отцом. И это странное, новое для него чувство наполняло его душу теплом и одновременно огромной ответственностью.

Поздно ночью, когда все уже улеглись спать, Александр вышел во двор постоялого двора. Небо было ясным, усеяно звёздами и млечный путь протянулся куда-то в неведомую даль.

Холодный октябрьский ветер пробирал до костей. Он посмотрел на юг, в сторону Клермона, где через несколько недель должна была решиться судьба всего христианского мира. И где, возможно, он снова встретит своего названного брата. Он перекрестился и прошептал:

— Господи, дай мне сил. Не оставь меня.

На следующее утро, едва рассвело, отряд Александра снова двинулся в путь. Впереди лежали Шатору, Молюсон и, наконец, Клермон — город, где вершилась история.

Глава 4 Аквитания

Элезар покинул Париж глухой ночью, когда даже собаки забились в щели от пронизывающего октябрьского ветра. Он гнал коня рысью по разбитой дороге, рискуя сломать ему ноги, не разбирая пути, подчиняясь лишь стремлению оказаться как можно дальше от города, где рухнули все его надежды. Только когда предрассветная мгла начала сереть, а восточный край неба окрасился бледной полосой зари, он позволил коню перейти на шаг и впервые за долгие часы огляделся.

Дорога вилась меж голых, окутанных туманом полей. Кое-где чернели остовы ореховых деревьев да мокрые кусты терновника. Впереди, насколько хватало глаз, не было ни души. Элезар натянул поводья, остановил коня и прислушался. Тишина стояла такая, что звон в ушах казался оглушительным.

Он остался один. Совершенно один. Александр, его названный брат, остался в Париже с письмом епископа. Русичи — поклявшиеся в верности, немногословные, но доверившиеся ему люди — им брошены. Утред, мальчик, которого он едва знал, которого был немногим старше, но на которого он смотрел, как на младшего братика служит в ненавистном ему месте. Жанна... При мысли о ней сердце сжалось так, что перехватило дыхание. Её лицо, освещённое утренним солнцем, её голос, её нежные руки... Всё это теперь в прошлом, в другой жизни. Он сам, своими руками, отрезал себя от всего, что было ему дорого.

«Но разве у меня был выбор? — с горечью подумал он, трогая коня. — Остаться там, видеть её, знать, что она принадлежит другому, и делать вид, что ничего не происходит? Нет, это было бы ложью. Лучше уж так. Лучше уйти. Я не бегу. Я иду вперёд!».

Он вспомнил слова Бодуэна, сказанные на турнире: «Мы волки, а не овцы. И нас такими создал Господь». Волк. Да, он волк. Волк не просит милостыни у королей и не плачет у закрытых дверей. Волк уходит в лес, чтобы стать сильнее. И он вернётся. Вернётся из Святой Земли героем, покрытым славой, с богатой добычей и тогда сам король не посмеет ему отказать. Или же он падёт в бою с сарацинами, и тогда все муки окончатся разом.

Эта мысль принесла горькое успокоение. Элезар выпрямился в седле, поправил перевязь с мечом и пустил коня бодрой рысью. Впереди лежала Аквитания. Впереди был Пётр Пустыжник. Тот человек, который одним словом заставлял тысячи людей бросать дома и семьи. Человек, в чьих глазах Элезар видел отблеск неземного огня. Если кто и мог указать ему новый путь, то только он.

День прошёл в монотонной скачке. Элезар останавливался лишь несколько раз, что бы дать коню передохнуть и перекусить самому. Но он гнал не жалея, а к вечеру первого дня достиг небольшой деревушки, название которой даже не спросил. Там он переночевал на сеновале у одинокой вдовы, заплатив ей медяк за кружку тёплого козьего молока, овощи, густую куриную похлёбку и место под крышей. На расспросы отвечал односложно, и вдова, видя его мрачное, осунувшееся лицо, не докучала.

На второй день погода испортилась окончательно. С северо-запада натянуло тяжёлые, свинцовые тучи, зарядил мелкий, нудный дождь. Дорога превратилась в месиво из грязи и конского навоза. Конь то и дело оступался, фыркал и недовольно мотал головой. Элезар, промокший до нитки, продрогший, но упрямо гнал вперёд. Он почти не замечал неудобств. Внутренняя боль заглушала всё остальное.

К исходу второго дня, когда уже начало смеркаться, впереди показались огни постоянного двора. Это было одинокое строение на перекрёстке дорог. Большой, почти квадратный дом из массивных брёвен. Откуда-то из-под крыши валил густой дым, обещая тепло и горячую пищу. Элезар решил остановиться здесь на ночлег.

Он въехал во двор, спешился и, бросив поводья подбежавшему мальчишке-конюху, направился к двери. И тут услышал знакомый, визгливый голос, доносившийся изнутри:

— ...и тогда я говорю ему: «Сын мой, если ты хочешь спасти свою душу, брось эту греховную жизнь и ступай в Иерусалим!» А он мне: «Да кто ты такой, чтобы указывать мне?» И замахнулся на меня палкой! Но Господь не оставил своего слугу. Палка переломилась в его руке, хотя он и успел меня огреть по хребтине, холера его задержала. А сам он пал на колени и взмолился о прощении! Вот какова сила истинной веры! Хоть и пришлось ему врезаться под дых, для того, чтобы вразумился, богохульник.

Элезар невольно усмехнулся и толкнул дверь.

Внутри, в полумраке общего зала, освещённого лишь очагом да парой масляных ламп, за грубо сколоченным столом сидел Аглаек. Перед ним стояла объёмистая кружка с чем-то, явно не водой, а вокруг, разинув рты, сидели трое крестьян и один заезжий торговец с испуганным лицом. Аглаек, раскрасневшийся, с блестящими глазами, активно жестикулировал, расплещивая содержимое кружки.

— Аглаек! — окликнул его с порога Элезар, стягивая мокрый плащ.

Проповедник осёкся на полуслове, повернулся и, узнав вошедшего, расплылся в широчайшей улыбке.

— Элезар! Мальчик мой! Какими судьбами?! — Он вскочил, едва не опрокинув стол, и бросился к юноше, заключив его в объятия. От него разило луком, дешёвым вином и дорожной пылью, но Элезар, к собственному удивлению, был искренне рад этой встрече.

— Я... я решил догнать тебя, — сказал он, освобождаясь от рук проповедника. — И найти Петра Пустынника.

Аглаек отстранился, внимательно взгляделся в лицо юноши и, видимо, всё поняв без слов, лишь сочувственно покачал головой.

— Эх, юность, юность... — вздохнул он. — Ну, садись, садись, рассказывай. Эй, хозяин! Ещё кружку того пойла, что вы зовёте вином и горячей похлёбки моему другу! Он, видать, продрог до костей.

Элезар сел за стол, с благодарностью принял из рук Аглаека кружку с подогретым вином и сделал большой глоток. Тепло растеклось по телу, прогоняя озноб. Он не стал вдаваться в подробности, лишь коротко рассказал, что сватовство не удалось, граф отказал, а король лишь подтвердил отказ. Аглаек слушал, кивая, и на удивление не перебивал. Когда юноша закончил, проповедник накрыл его руку своей шершавой и тёплой ладонью.

— Не кручинься, сынок, — сказал он неожиданно мягко. — Видать, не судьба. Но Господь никогда не закрывает одну дверь, не открыв следующую. Ты правильно сделал, что уехал. Здесь, на дороге, среди простых людей, ищущих спасения, твоё место. Пётр будет рад тебе. Он спрашивал о тебе, знаешь ли.

— Правда? — удивился Элезар.

— Истинная правда. Говорил: «Где тот юный северянин, что так храбро бился на ристалище?» — Аглаек лукаво подмигнул. — Ну, может и не совсем так, конечно, но что-то в этом роде. Он запоминает всех, кто проявляет истинное рвение к вере.

Они проговорили допоздна. Аглаек рассказал, что Пётр сейчас находится где-то между Ангулемом и Лиможем, в небольшом селении, название которого он не запомнил, но знает, как найти. Что с ним уже сотни рыцарей и тысячи простого люда. Что к нему присоединился некий Готьё, по прозвищу Нищий. Это человек удивительной судьбы и невероятной харизмы, который собрал вокруг себя целую армию из бедноты.

— Готьё Нищий? — переспросил Элезар. — Почему Нищий, если он, как ты говоришь, собрал армию?

— О! Это, мой юный друг, долгая история, — ухмыльнулся Аглаек. — Сам увидишь и поймёшь. Но поверь, этот человек стоит того, чтобы с ним познакомиться. Он не таков, как

Пётр. Пётр — тот святой, от земли оторван и с Богом говорит. Готье же, он от земли, от сохи, от голода и нужды. И его слово для простого люда порой значит даже больше, чем проповеди Петра.

На следующее утро они выехали вместе. Аглаек, как выяснилось, передвигался на старой, но крепкой лошадёнке, купленной им у какого-то крестьянина за бесценок. На вопрос, где он даже на такую взял денег, тот лишь ворчал что-то о том, что Господь даёт. «Неужели украд?» — зародилась крамольная мысль у Элезара. Проповедник, хоть и выглядел нелепо в своей потрёпанной рясе поверх кожаных штанов, сидел в седле довольно уверенно и даже пытался подгонять свою клячу, которая, впрочем, не обращала на его понукания никакого внимания.

Дорога на юг становилась всё оживлённее. Им то и дело встречались группы паломников. Пеших, с котомками за плечами, а кто и на телегах, нагруженных скарбом и детишками. Все они, как замороженные, повторяли одно и то же: «В Клермон! В Клермон, на Собор! Папа Урбан будет говорить! Освободим Гроб Господень!» Лица у людей были просветлённые, глаза горели надеждой. Элезар, глядя на них, чувствовал, как и его собственное сердце начинает биться чаще.

Через несколько дней, миновав Пуатье, место, где решилась судьба Европы, место, где Карл Мартелл навсегда остановил экспансию арабов в Европе, они въехали в пределы Аквитании. Здесь ландшафт изменился: пологие холмы, покрытые виноградниками, сменялись густыми дубовыми лесами, а воздух стал мягче и теплее, несмотря на позднюю осень. Дорога петляла меж полей и лесов, и на одном из поворотов перед ними внезапно открылось зрелище, от которого у Элезара захватило дух.

В широкой долине, у подножия холма, на котором стояла небольшая деревушка с церковью, раскинулся огромный лагерь. Сотни и сотни, а может тысячи шатров и палаток, от грубых, сшитых из мешковины, до богатых, украшенных вымпелами и гербами. Повсюду горели костры, вился дымок, сновали люди, ржали лошади, мычала скотина, которую гнали с собой паломники. Над лагерем, на высокой повозке, стоял высоченный крест, укреплённый со всех сторон. Там же в центре всего этого людского муравейника, стоял человек в грубой монашеской рясе и что-то громко вещал, простирая руки к небу. Вокруг него, затаив дыхание, собралась многотысячная толпа.

— Вот мы и на месте, — тихо сказал Аглаек, и в его голосе впервые не было обычной насмешки. — Пётр.

Они спешили, привязали коней у крайней палатки, где какой-то хмурый рыцарь в потёртой кольчуге за небольшую плату согласился присмотреть за животными, и стали пробираться сквозь толпу. Элезар жадно всматривался в лица людей. Здесь были все: знатные рыцари в дорогих доспехах и простые крестьяне в домотканых рубахах, монахи с выбритыми тонзурами и бродячие проповедники с дикими глазами, ремесленники с инструментами за плечами и женщины с детьми на руках. Все они, как замороженные, слушали Петра.

Проповедник говорил о страданиях христиан в Святой Земле, о поругании святынь, о том, что сам Господь призывает своих верных чад освободить Гроб Его. Голос его, то громовой, то падающий до шёпота, проникал в самую душу. Руки его то взмывали ввысь, то простирались к людям. Элезар, сам не замечая того, стал пробираться всё ближе и ближе, пока не оказался в первых рядах. Он смотрел на Петра и видел не просто человека, а живого святого. Вдохновенное, измождённое постом лицо, горящие неземным огнём глаза, руки, воздетые к небу, словно он беседовал с Богом или освящал Причастие. И каждое его слово падало на израненную душу Элезара, как целительный бальзам.

«Оставьте всё, — гремел Пётр, — и следуйте за Христом! Не думайте о земном, ибо земное тленно! Богатство, слава, любовь — это всё это прах и суета! Лишь одно нетленно — служение Господу! Возьмите крест свой и ступайте в Иерусалим, и там, у Гроба Господня, обретёте вы прощение всех грехов и жизнь вечную!»

Элезар почувствовал, как по щекам его текут слёзы. Он не стыдился их. В этот миг он забыл и о Жанне, и о своей боли, и о гордыне. Он чувствовал лишь одно, что он стоит на пороге великого свершения, что сама его жизнь, такая ничтожная и разбитая, может обрести смысл в служении этой великой цели. Он, как и тысячи людей вокруг, был готов прямо сейчас, немедленно, бросить всё и идти за Петром хоть на край света.

Когда проповедь закончилась, и толпа, возбуждённо гудя, стала расходиться, Элезар всё ещё стоял, не в силах пошевелиться. Аглаек тронул его за плечо.

— Ну как тебе? — спросил он.

— Это... это не человек, — прошептал Элезар. — Это святой.

Аглаек ничего не ответил, лишь как-то странно и понимающе хмыкнул.

Они двинулись к центру лагеря, где, по словам Аглаека, располагались шатры приближённых Петра. По дороге им встретился Бодуэн. Здоровяк-фландрец, облачённый в полный доспех, с неизменным длинным мечом на поясе, шагал куда-то с озабоченным видом. Увидев Элезара, он просиял и, растолкав пару зевак, заключил юношу в свои медвежьи объятия.

— Малыш! Живой! — взревел он. — А я уж думал, ты там, в Париже, совсем разважничался и забыл о нас!

— Рад тебя видеть, Бодуэн, — улыбнулся Элезар, чувствуя, как от могучего рукопожатия хрустят кости. — Как ты? Что здесь?

— Да сам видишь, — фландрец обвёл рукой лагерь. — С каждым днём всё больше и больше народу. Пётр теперь настолько важная птица, что не подступишься. Мы, старые его спутники, уже и не нужны ему стали. Вон, видишь? — Он кивнул в сторону большого шатра, украшенного штандартами с крестами. — Там теперь заправляют всякие графы да бароны. Покрупнее нас с тобой. А мы так, на подхвате.

В его голосе звучала обида, но Элезар пропустил её мимо ушей. Его мысли всё ещё были заняты проповедью Петра.

— А кто такой Готье Нищий? — спросил он.

Бодуэн сплюнул на землю.

— Этого добра тут тоже хватает. Явился неделю назад со своей оравой голодранцев. Говорят, он из рыцарей, но всё своё состояние роздал бедным и пошёл проповедовать. Теперь вокруг него целая армия нищих и бродяг. Пётр его принял, они даже о чём-то совещались. Но мне этот Готье не по нутру. Хотя толпа от него без ума.

— Почему? — заинтересовался Элезар.

— А ты сам посмотри, — Бодуэн махнул рукой в сторону. — Вон он, красуется.

Элезар обернулся и увидел в нескольких десятках шагов группу людей, окруживших высокого, худого мужчину в простой, но чистой одежде. У него было бледное, аскетичное лицо с глубоко посаженными, пронзительными глазами и длинная, совершенно седая борода, хотя на вид ему было не больше сорока. Он что-то говорил окружающим его людям, и те слушали, затаив дыхание. В его манере не было той иступлённой экзальтации, что у Петра. Готье говорил спокойно, почти буднично, но каждое его слово, казалось, било прямо в цель.

— Подойдём, — сказал Элезар, и, не дожидаясь ответа, двинулся к группе.

— ...вы все, кто гнёт спину на полях, кто не видит света от голода и нужды, — говорил Готье, и его голос, негромкий, но удивительно чистый, разносился далеко вокруг. — Вам обещают царствие небесное за покорность и терпение. Но я говорю вам: Господь не хочет, чтобы его дети жили в грязи и унижении! Он дал нам землю наполненную богатствами, и эта земля на Востоке, где язычники унижают ваших единоверцев и захватили их земли, обокрали и обобрали паломников! Идите и возьмите своё! Не для того, чтобы обогатить господ, а для себя! Для своих детей! Господь уравниет всех перед лицом своим, и там, в Святой Земле, вы станете свободными!

Толпа вокруг него взревела одобрительно. Люди, в основном бедно одетые крестьяне, плакали, смеялись, тянули к нему руки. Готье смотрел на них с печальной, всепонимающей улыбкой, и Элезар вдруг понял, почему его прозвали Нищим. Он сам был нищ, как и они, и они чувствовали в нём своего.

Элезар протиснулся вперёд и, когда Готье на мгновение остался один, представился. Тот откинул юношу цепким, оценивающим взглядом и вдруг улыбнулся открыто, почти по-детски.

— Элезар из Хайтабю? — переспросил он. — Я слышал о тебе от Петра. Говорят, ты храбрый воин. И, как я погляжу, с чистым сердцем. Что ж, добро пожаловать в наше святое воинство. — причём последнее Готье произнёс без иронии.

— Благодарю, господин, — поклонился Элезар.

— Не господин, — поправил его Готье. — Просто Готье. Мы все здесь равны перед Богом. Или станем равны, когда дойдём до цели. — Он подмигнул и, хлопнув юношу по плечу, отошёл к своим последователям.

Элезар вернулся к Аглаеку и Бодуэну, которые наблюдали за ним издали.

— Ну что, впечатлил? — спросил Аглаек.

— Да, — честно ответил Элезар. — Он... он не такой, как Пётр. Но в нём тоже есть сила.

— Сила-то есть, — проворчал Бодуэн. — Только куда она заведёт? Пётр говорит о Боге и спасении души. А этот о земле и свободе. Не нравится мне это.

— Почему же? — удивился Элезар. — Разве свобода и земля — это плохо?

— Плохо, когда люди идут в поход не за веру, а за наживой, — отрезал фландрец. — Такие при первой же опасности разбегутся или начнут грабить своих. Пётр это понимает, но молчит. Ему, видно, важно собрать как можно больше народу. А чем это кончится одному Богу известно.

Элезар задумался, но ненадолго. В нём всё ещё звучали слова проповеди Петра, и ничто не могло поколебать его восторга. Он чувствовал себя так, словно заново родился. Все сомнения, вся боль отступили перед величием открывшейся перед ним цели. Он должен быть рядом с Петром. Должен служить ему, защищать его, следовать за ним до самого Иерусалима.

Он решительно направился к шатру проповедника. У входа стояли двое дюжих рыцарей в полном вооружении. Они преградили ему путь.

— К Петру, — твёрдо сказал Элезар. — По важному делу.

— Пётр занят, — ответил один из стражей. — Приходи завтра.

— Но я... — начал юноша, и тут полог шатра отдернулся, и наружу выглянул сам Пётр. Его взгляд упал на Элезара, и в глазах проповедника мелькнуло узнавание.

— Элезар? — спросил он. — Юноша, что одолел графа на турнире и был с нами в Реймсе?

— Да, святой отец, — Элезар преклонил колена. — Я пришёл, чтобы служить вам. Чтобы идти с вами в Иерусалим.

Пётр вышел из шатра, приблизился к нему и положил руку на голову. Прикосновение было лёгким, почти невесомым, но Элезара словно пронзило током.

— Встань, сын мой, — сказал Пётр мягко. — Господь видит твоё сердце. Ты пришёл ко мне в час сомнений и боли, и это не случайно. Мне нужны верные люди, на которых я могу положиться. Такие, как ты. Я приближаю тебя к себе. Отныне ты будешь одним из тех, кто постоянно сопровождает меня. Согласен ли ты?

— Да! — выдохнул Элезар, не веря своему счастью. — Клянусь служить вам верой и правдой до самой смерти!

Пётр улыбнулся своей кроткой, всепонимающей улыбкой.

— Не смерти, сын мой. Жизни. Жизни вечной. Ступай, устройся в лагере. Завтра на рассвете я жду тебя у своего шатра. Нам предстоит долгий путь.

Элезар, пятась, отошёл, не в силах сдержатъ ликования. Он сделал это! Он будет рядом с Петром, он будет служить живому святому! Все его прежние тревоги и сомнения показались ему сейчас мелкими и ничтожными. Он нашёл свой путь.

Аглаек и Бодуэн ждали его у шатра, который им выделили для ночлега. Это была просторная, но ветхая палатка из грубого полотна, с охапками соломы вместо постелей. Увидев сияющее лицо Элезара, Аглаек покачал головой.

— Ну что, добился своего? — спросил он.

— Пётр приблизил меня к себе! — воскликнул юноша. — Я буду служить ему! Ты понимаешь, Аглаек?! Я буду рядом с ним!

— Понимаю, — вздохнул проповедник. — И рад за тебя. Но послушай меня. Я знаю Петра дольше тебя. Он, конечно, святой человек. Но он... как бы это сказать... он не от мира сего. Он видит только то, что хочет видеть. И те, кто вокруг него, они не все такие же чистые, как ты. Будь осторожен. Да и не поторопился ли ты пойти в услужение?

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился Элезар.

— Только то, что и у святых бывают свои слабости, — вмешался Бодуэн. — Пётр собирает вокруг себя людей, которые ему полезны. Ты ему полезен, потому что ты храбр, предан и не задаёшь лишних вопросов. Но не обольщайся, малыш. Ты для него лишь инструмент. Как и все мы.

— Вы просто завидуете! — вспыхнул Элезар. — Вы оба! Вы не понимаете, что я чувствую! Пётр святой! И я пойду за ним до конца!

Аглаек и Бодуэн переглянулись.

— Ну, как знаешь, — тихо сказал Аглаек. — Только не забывай, что мы твои друзья. И если что, то мы всегда рядом.

Элезар ничего не ответил. Он лёг на солому, повернулся к ним спиной и закрыл глаза. В его душе не было места для сомнений. Только радость и предвкушение великого пути.

Ночь опустилась на лагерь. Тысячи костров мерцали в темноте, словно звёзды на земле. Где-то вдалеке пели псалмы, где-то спорили о том, кому достанется ужин, где-то плакал ребёнок. А в шатре Петра Пустынника горела одинокая свеча, и сам проповедник, стоя на коленях перед грубым деревянным крестом, молился о всех, кто доверил ему свои жизни. И о том юноше с голубыми глазами, что сегодня пришёл к нему, ища спасения и любви Господа, а также его, святого Петра, любви.

Глава 5. Дорога на юг. Клермон.

Александр и его маленький отряд покинули Тур на рассвете. Ещё сонный город провожал их перезвоном колоколов базилики Святого Мартина, где они накануне отстояли мессу. Утро выдалось ясное и холодное — последние дни октября дышали в лицо промозглой сыростью, но небо над Луарой было высоким и прозрачным, словно вымытым до кристальной чистоты.

Дорога на юг, к Клермону, пролегла местами по старому римскому тракту, порой даже ещё хранившему остатки каменной кладки. Римляне умели строить на века — кое-где под копытами коней ещё угадывались полустёртые, вросшие в землю плиты, по которым когда-то шагали легионеры. Теперь же по этому пути тянулись тысячи людей, которых всколыхнула весть о грядущем соборе.

— Добрая дорога, — заметил Богдан, оглядывая широкие, натоптанные и наезжанные до каменной твердости колеи, перемежающиеся вкраплениями ещё более древнего тракта, уходящие к горизонту меж голых осенних полей. — Видать, не одну сотню лет люди топчут.

— Римляне клали, — отозвался Александр, поправляя на плече ремень арбалета. — Ещё те, которые империя, да не нынешняя Священная Римская или Восточная ромейская, а тот старый Рим, который покорила весь известный им мир. По этой дороге когда-то шли легионы, чтобы усмирять галльские племена.

— Римляне... — протянул Ратмир, молодой светловолосый воин, шедший рядом. — У нас на Руси про них сказки рассказывают. Будто были они великим народом, да сгнули от гордыни.

— Не сгнули, — усмехнулся Александр. — Просто стали другими. Империя на Востоке, в Константинополе, всё ещё стоит. И, даст Бог, мы её увидим, когда пойдём в Иерусалим.

Русичи переглянулись. Для них Константинополь был легендарным Царьградом, к воротам которого прибил щит Вещий Олег, откуда пришла на Русь вера Христова, городом, о котором пели гусли и рассказывали купцы, ходившие «из варяг в греки». Утред, ехавший чуть позади и внимательно слушавший разговор, подался вперёд:

— А правда, что там улицы мощены золотом, а храмы выше гор?

— Золотом не мощены, — рассмеялся Александр. — Но храмы и дворцы там такие, каких ты никогда не видел. Самый великий — Айя София или Премудрость Божия. Говорят, когда князь Владимир отправил послов выбирать веру для Руси, они вошли в тот храм и не знали, на земле они или на небе. И были так поражены красотой этого места, что выбор был решен в пользу христианства. Ещё бы! Войдя под своды храма невозможно оторвать глаз от прекраснейшей Богоматери.

Утред восхищённо выдохнул. Александр поймал себя на мысли, что говорит об этом так, будто сам видел. А ведь и правда видел, только не здесь и не сейчас, а в другой жизни, на страницах учебников и в документальных фильмах. Странное чувство. Знать то, чего ещё не произошло, и не иметь возможности рассказать. Никому, кроме Элезара. И он снова ощутил, как ему не хватает друга рядом.

Дорога тем временем уводила их всё дальше на юг. Горизонт терялся вдали широких равнин, где ветер гулял вольно, пригибая к земле пожухлую траву. Деревни попадались всё реже. В глубине Франции, поселения жались к рекам и замкам, а между ними лежали пустоши, где хозяйничали волки, лисицы и редкие разбойничащие бароны, которые порой останавливали торговлю во всем королевстве из-за надуманных поборов с купцов. Основная часть паломников тоже осталась в стороне, двигаясь по более обжитым и спокойным местам.

К вечеру первого дня они достигли селения под названием Бюзансе, где и заночевали на постоялом дворе. Хозяин, дородный гасконец с хитрыми глазами, узнав, что путники держат путь в Клермон на собор, оживился и принялся расспрашивать о новостях. Александр отвечал

сдержанно, но от ужина не отказался. Сытная похлёбка с бобами и копчёной свиной, свежий хлеб и кружка местного красного вина после долгого дня в седле казались царским пиром.

Утром двинулись дальше. Дорога теперь шла вдоль неширокой, но быстрой и чистой реки Эндр, с берегами, густо заросшими ивой и ольхой. К полудню впереди, на невысоком холме над излучиной реки, показались очертания замка.

— Шатору, — сказал Александр, всматриваясь вдаль. — Вернее, замок Рауля. Городок тут небольшой, но замок старый. Хозяин таверны говорил, что ему лет сто.

Замок и впрямь выглядел внушительно. Массивная каменная башня-донжон, окружённая частоколом и рвом, над которым вился лёгкий дымок. У ворот сустились люди, сновали повозки, слышалось мычание скота и крики торговцев. Вокруг замка лепились деревянные домишки ремесленников и крестьян.

— Заедем? — спросил Утред, с любопытством разглядывая замок.

— Нет, — покачал головой Александр. — Нам нечего там делать. Только время потеряем и, чего доброго, наткнёмся на какого-нибудь негодяя, которому приглянутся наши пожитки. У нас другая дорога.

Они обогнули замок стороной и продолжили путь. Вскоре дорога снова нырнула в густой, тёмный, полный шорохов и таинственных звуков лес. Здесь Александр велел всем держаться настороже. Места были глухие, разбойники могли устроить засаду в любом овраге. Но, видно, Господь хранил путников — лес кончился так же внезапно, как и начался, и перед ними снова распахнулись поля, в сию пору уже убранные, с редкими островками перелесков.

К исходу второго дня они остановились на ночлег в небольшой деревушке, затерянной среди холмов. Местный священник, узнав, что Александр монах, пусть и странного, нездешнего вида, принял их с радушием и даже выделил для ночлега пустующий амбар рядом с церковью. Утред и русичи, утомлённые дорогой, быстро уснули, а Александр ещё долго сидел у догорающего очага, глядя в огонь и думая об Элезаре. Где он сейчас? Догнал ли Петра? Жив ли? Сердце щемило от тревоги и немного от обиды, но он гнал эти мысли прочь. «Господи, сохрани его, — шептал он, перебирая купленные в Туре чётки. — Не дай ему пропасть».

На третий день они въехали в земли, которые местные называли Бурбонне. Здесь ландшафт снова изменился. Дорога пошла в гору, петляя меж невысоких, но крутых холмов, поросших густым лесом. Воздух стал холоднее и чище, пахло прелой листвой и хвоей. К полудню впереди, на скалистом холме над рекой Шер, показался город.

— Монлюсон, — объявил Александр, сверившись с пергаментом, который приобрёл в Туре у словоохотливого каноника. — Говорят, его только-только начали отстраивать. Замок тут поставил Гийом, сын Аршамбо де Бурбона.

— И какая нам разница? — проворчал тихонько Василий. Русич не понимал эмоций монаха из будущего, который чувствовал себя не только путешественником во времени, но и туристом. Как если бы он совершал путешествие по Франции, в которой не бывал в прошлой жизни. Местные мало интересовались историей даже тех мест, в которых жили, хотя любили сплетни, а вот Александру было интересно буквально всё, поэтому он активно расспрашивал местных, загужая в себя бесполезные с их точки зрения знания.

Городок выглядел молодым, да ранним. На вершине холма, над излучиной реки, высилась свежесрубленная деревянная башня, обнесённая частоколом. Вокруг неё, по склонам, лепились дома. В основном грубые, на скорую руку сколоченные, но уже виднелись и более основательные строения, крытые дранкой, с каменными фундаментами. У подножия холма, у реки, сустились рыбаки, прачки, вездесущие мальчишки. Через реку был перекинут деревянный мост на мощных дубовых сваях и видно, недавней постройки.

— Бойкое место, — заметил Богдан, оглядывая город. — Лет через двадцать большим станет.

— Если война не разорит, — мрачно добавил Василий, который вообще был неразговорчив и редко вставлял слово, а тут ещё и раздражён от усталости.

Они переехали мост и въехали в город. Улицы здесь были не мошённые, грязь месили колёсами телег и копытами коней, но чувствовалось, что жизнь кипит. У кузницы пыхтел мехами здоровенный детина с перепачканным сажей лицом, из открытых дверей пекарни тянуло тёплым хлебным духом, а у колодца судачили женщины с коромыслами. На путников косились, но без враждебности. Видно, что привыкли к проезжему люду.

Александр решил не задерживаться. Они купили у уличного торговца свежего хлеба, сыра и кусок копчёного окорока, набрали воды из колодца и, перекусив, двинулись дальше. До Клермона оставалось ещё дня два пути, а дни становились всё короче.

За Монлюсоном дорога снова пошла лесом. Здесь, вдали от человеческого жилья, Александр решил, что пора заняться тем, что он давно задумал.

— Сделаем привал, — объявил он, когда в стороне от тракта показалась уютная поляна, окружённая старыми дубами. — Пора размяться.

Они спешили, расседлали лошадей и пустили их пастись на пожухлой, но ещё сочной траве. Александр снял кольчугу, рясу, оставшись в подряснике, и размял плечи.

— Богдан, Ратмир, Василий, Мал, Утред, идите все сюда. Будем учиться.

Русичи переглянулись с любопытством. Они уже привыкли, что странный монах порой говорит и делает вещи, которые им непонятны, но всегда оказываются полезными. Утред же смотрел на Александра с нескрываемой преданностью. После того, как тот спас ему жизнь в Бонди, юный англичанин готов был идти за ним в огонь и в воду.

— Я покажу вам кое-что, чего вы никогда не видели, — начал Александр, вставая в центр поляны. — Это искусство борьбы, которому меня учили... в далёких землях. Называется «самбо». Слово это означает «самооборона без оружия». Смотрите внимательно.

Он подозвал Богдана, самого крепкого и опытного из русичей. Тот вышел, поигрывая плечами, с лёгкой усмешкой, мол, чему ты, монах, можешь меня научить? Тем более неуклюжие действия в строю юного монаха Богдан уже видел.

— Нападай, — сказал Александр. — Как хочешь. Попробуй схватить меня или ударить.

Богдан хмыкнул и двинулся вперёд, широко расставив руки, чтобы сгрести монаха в медвежьё объятия. Александр сделал шаг на встречу и в следующее мгновение Богдан уже летел на землю, подсечённый ловким движением ноги. Он грохнулся спиной о мягкую лесную подстилку, охнул, но тут же вскочил, ошарашенно глядя на монаха.

— Это как? — выдохнул он.

— Передняя подсечка, — спокойно объяснил Александр. — Ты пошёл вперёд, перенёс вес на переднюю ногу, я её выбил. Просто, как всё гениальное. Давай ещё раз.

Они повторили и снова Богдан оказался на земле. На этот раз Александр, перехватив его руку, ловко вывернул её и зафиксировал, не давая пошевелиться.

— Это болевой приём на локтевой сустав, — пояснил он, отпуская ошарашенного десятника. — В бою один на один можно сломать руку или просто обездвижить противника.

Русичи смотрели во все глаза. За те месяцы, что они провели вместе, они привыкли уважать Александра за учёность и твёрдость в вере, но такого не ожидал никто. Монах, который молится порой несколько раз на дню и читает наизусть Писание, оказался умелым бойцом, владеющим неведомым искусством.

— Отче, а меня научишь? — восторженно спросил Утред.

— Всех научу, — улыбнулся Александр. — Но это только начало. Смотрите дальше.

Он показал им ещё несколько приёмов: бросок через бедро, удушающий захват. Русичи, сами опытные воины, схватывали на лету и вскоре уже пробовали приёмы друг на друге. Даже угрюмый Василий, вечно молчавший, оживился и, кряхтя, пытался повторить бросок через бедро на Ратмире.

Потом Александр перешёл к тому, что в его времени называли «общей физической подготовкой». Он показал, как правильно отжиматься от земли, приседать, делать выпады и упражнения для укрепления спины и живота. Всё это были простые, но эффективные движения, которые он сам когда-то осваивал в спортивном зале под надзором тренера по самбо.

— Тело воина — это его главное оружие, — говорил он, показывая очередное упражнение. — Меч можно сломать, копьё потерять, щит расколоть. Но сильное, выносливое тело останется с тобой до конца. Упражнения эти надо делать каждый день, понемногу, но постоянно. Тогда уже через месяц вы сами себя не узнаете.

Русичи слушали и повторяли. Богдан, привыкший полагаться на грубую силу, с удивлением обнаружил, что некоторые упражнения даются ему с трудом. Мышцы, не привыкшие к такой работе, ныли и дрожали. Мал, самый жилистый и вертлявый, напротив, справлялся легко и даже с удовольствием. Утред, юный и гибкий, тоже быстро освоился.

— А теперь вы меня учите, — сказал Александр, отдышавшись.

— Чему, отче? — удивился Богдан.

— Всему, что знаете сами. Я монах, меня не учили воевать. Всё, что я умею, — это то, чему научился сам или подсмотрел у других. Вы же профессиональные воины. Покажите мне, как правильно держать копьё, как бить топором, как прикрываться щитом. Я должен уметь защитить себя и вас, если придётся. Мы уже тренировались и учились, но этого мало.

Русичи переглянулись и одобрительно загудели. Учить монаха воинскому делу им было в радость. Это возвращало им чувство собственной значимости, которое несколько поколебалось после того, как Александр уложил Богдана на землю.

Богдан взял в руки своё длинное пехотное копьё с листовидным наконечником и снова, как раньше, показал стойку.

— Гляди, отче. Копьё — это тебе не палка, и им не машут, как мечом. Держишь двумя руками, правая сзади, левая впереди. Наконечник всегда смотрит на врага. Бьёшь не с размаху, а коротким, резким движением. Вперёд и чуть вверх, под щит или в лицо. Если враг закрылся щитом, то бьёшь в ноги. Главное — это не открываться самому.

Александр взял копьё, попробовал повторить. Получалось, но неловко. Богдан терпеливо поправлял ему хватку и стойку. Через полчаса монах уже более-менее уверенно держал древко, нанося уколы в воображаемого противника.

Потом настал черёд топора. Здесь учителем вызвался Ратмир, так как он лучше всех в отряде владел этим оружием. Топор у него был не простой крестьянский колун, а боевой, с широким, тонким лезвием на длинной рукояти.

— Топор — оружие сильного, — сказал Ратмир, взвешивая его в руке. — Им не фехтуют, как мечом. Им рубят. Удар должен быть один, но такой, чтобы расколоть щит или пробить шлем. Замах нужно делать от плеча, всем телом, не только рукой. И сразу же обратно в стойку, иначе пропадёшь.

Александр попробовал и едва не выронил топор, слишком сильно замахнувшись. Ратмир рассмеялся, но без злобы, и показал, как правильно распределять вес. С ними вместе занимались и остальные и оказалось, что Мал обращался с этим оружием как бы и не получше опытных воинов.

С щитом было проще. Здесь главным было научиться держать его так, чтобы он прикрывал тело, но не мешал видеть противника. Александру показали несколько простых движений: как отбивать удар, как толкать щитом врага, как прикрывать товарища в строю.

Тренировка затянулась до сумерек, став коллективной. Так же они договорились сделать их регулярными, пусть даже и не такими длинными. Уставшие, но довольные, они развели костёр, поджарили остатки окорока и хлеба, запили водой из ручья. Александр, сидя у огня, чувствовал, как ноют мышцы, но на душе было легко. Впервые за много дней он ощущал, что делает что-то правильное, что эти люди не просто спутники, а соратники. Нечто большее.

— Отче, — тихо позвал Утред, подсаживаясь ближе. — А ты правда из Руси?

Александр помедлил с ответом.

— Да, Утред. Из Руси. Из очень далёкой Руси.

— А почему у тебя выговор странный?

— Потому что я учился у разных наставников.

Утред замотал головой.

— Я не об этом, отче. Я просто... ты не похож ни на кого, кого я встречал. Ты знаешь такие вещи, которых никто не знает. Ты дерёшься, как никто не дерётся.

Александр грустно улыбнулся.

— Я просто человек, Утред. Такой же, как ты. Просто я много видел и много учился. А теперь спи. Завтра снова в путь.

Утред послушно улёгся на плащ, укрылся попоной и вскоре засопел. Александр ещё долго сидел у костра, глядя в угасающие угли, и думал о том, как странно переплелась его судьба с судьбами этих людей.

Утром четвёртого дня, едва рассвело, они снова двинулись в путь. Дорога теперь шла через холмистую местность, петляя меж дубовых рощ и виноградников. Осень на юге, была мягче. Деревья ещё не до конца сбросили листву, и леса стояли в золоте и багрянце, словно прощаясь с уходящим теплом.

Александр, ехавший впереди, то и дело посматривал на свой арбалет. Он прихватил его ещё в Бонди, после той ночной схватки с разбойниками. С тех пор он почти не пользовался оружием, но теперь, в преддверии долгого и опасного пути, решил, что пора научиться стрелять как следует.

Он сказал спутникам, что позже догонит, отъехал чуть в сторону от дороги, где на опушке рос старый, корявый дуб, и установил на стволе импровизированную мишень. Основательный кусок коры, прибитый к дереву кинжалом. Арбалет был не из лёгких. Массивное ложе из тёмного дерева, стальная дуга, тугая тетива. Чтобы взвести его, требовалось упереть ногу в стремя и тянуть двумя руками изо всех сил. Александр, хоть и окреп за последние месяцы, каждый раз делал это с трудом.

Он прицелился, задержал дыхание и нажал на спусковой рычаг. Болт с резким свистом сорвался с ложа и вонзился в ствол на ладонь выше мишени.

— Плохо, — проворчал он себе под нос и снова принялся взводить тетиву.

Русичи, ещё не ушедшие далеко и наблюдавшие за ним, посмеивались.

— Отче, ты бы лучше копьё тренировал, — сказал Богдан. — Арбалет — оружие для трусов. Настоящий воин бьётся лицом к лицу.

— Настоящий воин бьётся так, чтобы победить, — возразил Александр, не оборачиваясь. — А арбалет — это великий уравниватель. С ним и крестьянин может уложить рыцаря в полном доспехе. Не зря папа римский хотел запретить его против христиан.

— Папа хотел запретить арбалет? — удивился Утред.

— Да, на Втором Латеранском... — Александр осёкся. Второй Латеранский собор будет только через полвека. — В общем, хотел. Но это другая история. Смотрите лучше.

Он снова прицелился, на этот раз тщательнее, и выстрелил. Болт вонзился в край мишени.

— Уже лучше, — удовлетворённо кивнул он. — Ещё немного практики, и я смогу попадать белке в глаз.

Он тренировался ещё с полчаса, пока не почувствовал, что руки начинают дрожать от усталости. Последний выстрел лёг почти в центр мишени. Александр удовлетворённо кивнул, разрядил арбалет и повесил его обратно на седло.

Дорога теперь шла под гору, и вскоре впереди, в широкой долине, окружённой грядой невысоких гор, показался город. Клермон.

Он лежал на холме, опоясанный старой, местами обветшалой, но всё ещё крепкой каменной стеной. Над нею возвышались башни с крышами, и шпили церквей, среди которых выделялся массивный собор в суровом романском стиле. Вокруг города, насколько хватало глаз, раскинулся огромный лагерь. Тысячи шатров и палаток, костры, дымы, снующие люди, ржание лошадей, мычание скота. Такого скопления народа Александр не видел даже под Парижем.

— Ого, — выдохнул Утред. — Это всё паломники?

— Тут много разных, — неопределённо сказал Александр. — Весь христианский мир съехался сюда. Папа Урбан уже здесь, он прибыл ещё в августе и ждёт начала собора, приглашая на него всех.

Они въехали в город через южные ворота, над которыми возвышалась круглая башня с бойницами. Стража, измученная наплывом приезжих, лишь мельком глянула на них и махнула рукой, что б не задерживали. Внутри город оказался тесным, шумным и невероятно пёстрым. Узкие улочки, мощённые грубым булыжником, были запружены народом. Здесь смешались все языки и наречия христианского мира: франкский, провансальский, немецкий, лотарингский, фламандский, датский, итальянский. Мелькали рясы монахов-бенедиктинцев, чёрные сутаны клюнийцев, одеяния камальдулов* монашеские ордена. Рыцари в кольчугах и сюрко с гербами проталкивались сквозь толпу, задевая простолюдинов ножами мечей. Торговцы зазывали покупателей, расхваливая свой товар — от святых реликвий до жареных колбасок. Где-то звонили колокола, где-то пели псалмы, где-то спорили до хрипоты о ценах на постой.

Александр, оглушённый этим многоголосием, медленно пробирался вперёд, высматривая место для ночлега. Все постоянные дворы, как и следовало ожидать, были забиты до отказа. После долгих поисков им удалось найти приют в странноприимном доме при небольшой церкви Святого Илария на окраине города. Монахи, узнав, что Александр посланник епископа Сигварда из Дании, отнеслись к нему с почтением и выделили крошечную келью на четверых. Остальным пришлось устраиваться на ночлег в общем зале, на соломе, бок о бок с десятками других паломников.

Устроив людей и коней, Александр решил прогуляться по городу. Ему нужно было найти, где остановился папа Урбан, и договориться об аудиенции. Он знал, что папская резиденция находится где-то в епископском дворце, рядом с собором, но точного расположения не знал и потому просто шёл по главной улице, ведущей вверх, к центру города.

Клермон вблизи производил впечатление города древнего и сурового. Дома здесь были в основном каменные, приземистые, с узкими окнами-бойницами, наследием тех беспокойных времён, когда город подвергался набегам викингов. Стены многих зданий были сложены из тёмного вулканического камня, добытого в окрестных горах, и от этого город казался мрачным, несмотря на яркое осеннее солнце. Но жизнь кипела повсюду. У кузниц пыхали горны, в пекарнях выпекали хлеб, у колодцев судачили женщины, а в тени старых платанов сидели писцы и за мелкую монету составляли письма для неграмотных.

Александр миновал рыночную площадь, где торговали всем, от овощей до оружия, и вышел к собору. Собор Нотр-Дам-де-Клермон, перестроенный всего несколько десятилетий назад, возвышался над городом, словно крепость веры. Его массивные стены, сложенные из серого камня, узкие окна и суровая простота линий напоминали о том, что церковь в эти времена была не только домом молитвы, но и убежищем в дни войн и осад.

Рядом с собором располагался епископский дворец — комплекс зданий, обнесённый невысокой каменной стеной. У ворот стояла стража в виде двух дюжих воинов в кольчугах, с копьями наперевес. Александр направился было к ним, чтобы справиться об аудиенции, но вдруг замер, поражённый.

На втором этаже дворца, на небольшом каменном балконе, увитом пожухлым плющом, стояла юная женщина. Она смотрела куда-то вдаль, поверх городских стен, на синюющие в

дымке горы. Солнце, клонившееся к закату, золотило её лицо и волосы, и Александру показалось, что он видит не живого человека, а сошедший с небес ангельский образ.

Она была невысока ростом, но статна, с гордой осанкой, выдававшей благородное происхождение. Лицо ее было тонким, с высокими скулами и чуть вздёрнутым носом. Оно дышало какой-то нездешней, печальной красотой. Глаза, большие и тёмные, смотрели отстранённо, словно она была не здесь, а где-то далеко, в своих мыслях. Волосы, убранные под прозрачное покрывало, отливали тёмным золотом. Одетая она была в простое, но дорогое платье тёмно-синего бархата, расшитое по вороту серебряной нитью, и длинный плащ, подбитый мехом куницы.

Александр стоял, не в силах отвести взгляд. Что-то в её облике поразило его до глубины души. Не просто красота, а какая-то особая, пронзительная печаль, застывшая в её глазах. Ему вдруг нестерпимо захотелось узнать, кто она, отчего так грустна и что за мысли тревожат её сердце. Чувство это было столь сильным и внезапным, что он даже испугался. Пусть не настоящий монах, пусть не давший обет безбрачия, но живший почти по монашеским правилам считай всю свою сознательную жизнь, — и вдруг такое наваждение!

Он тряхнул головой, отгоняя морок, и заставил себя отвести взгляд. У ворот он обратился к одному из стражников, пожилому воину с седыми усами и шрамом через всю щёку.

— Скажи, добрый человек, кто эта женщина на балконе?

Стражник проследил за его взглядом и почтительно склонил голову.

— Это императрица Адельгейда, господин. Супруга императора Генриха. Она прибыла с папой Урбаном из Италии.

— Императрица? — переспросил Александр, чувствуя, как сердце пропускает удар. — Священной Римской империи?

— Да, господин. Говорят, она родом из далёкой Руси. Дочь какого-то тамошнего князя.

Александр почувствовал, как кровь приливает к лицу. Русь. Она с Руси. Его, Александра, далёкой, невозможной, возможно навсегда потерянной родины. В это мгновение всё его существо словно пронзило молнией. Он понял, что пропал.

Он поспешно отошёл от ворот, чувствуя, что ноги не слушаются, а мысли путаются. Дойдя до ближайшего колодца, он зачерпнул воды, плеснул в лицо и долго стоял, опершись о каменный сруб, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

«Господи, что со мной? — думал он. — Я дал обет служить Тебе. Откуда это наваждение? Она — императрица, жена императора. И к тому же... с Руси. Господи, за что?»

Вечером, вернувшись в странноприимный дом, он долго не мог уснуть. Сидел в тёмном углу общей залы, перебирал чётки и твердил про себя молитвы, но перед глазами всё стояло её лицо. Печальное, прекрасное, обрамлённое в заходящем солнце золотом.

Утром он первым делом разыскал Богдана. Тот, как и другие русичи, уже проснулся и хлопотал у очага, разогревая остатки вчерашней похлёбки.

— Богдан, — тихо позвал Александр, отводя его в сторону. — Ты слышал что-нибудь об императрице Адельгейде?

Десятник удивлённо поднял брови.

— Об Адельгейде? Это которая жена императора Генриха? Слышал, отче. У нас на Руси её Евпраксией зовут. Она дочь великого князя Всеволода Ярославича и сестра Владимира Мономаха.

— Сестра Мономаха? — Александр едва не поперхнулся. Владимир Мономах. Одно из немногих имён древнерусской истории, которое он помнил отчётливо. Великий князь, полководец, автор «Поучения детям». Легенда.

— Да, отче, — кивнул Богдан, не понимая, отчего монах так взволнован. — Её ещё девчонкой выдали замуж за какого-то немецкого маркграфа, потом вроде бы какая-то некрасивая история была, и в неё аж император влюбился, от чего её муж помер. — Богдан ухмыльнулся.

Мол, знамо, понятно, как мужья помирают, если их жёны императорам любы. — Но там что-то тоже с счастьем не сложилось. Вроде бы бежала она от него. Подробностей, извини, отче, не знаю. Это всё бабы посудачить любят, а я так, краем уха слышал. — Помолчал и добавил: — Но вроде бы бил её, издевался и даже в темницу заключил.- с головой выдавая, что ему эти сплетни интересны были не меньше, чем «бабам».

Александр слушал, и сердце его сжималось от боли и нежности. Так вот отчего в её глазах такая печаль! Она пережила предательство, унижение, заточение и всё же выстояла, а не сломалась. Настоящая русская женщина. Его, Александра, соотечественница. Пусть и разделённая с ним тысячей лет. Княжна.

— Спасибо, Богдан, — тихо сказал он.

Десятник пожал плечами и вернулся к очагу, а Александр стоял, глядя в окно на серое ноябрьское небо. В его душе царили стыд за внезапную, неуместную влюблённость, восхищение перед мужеством этой женщины и странное, щемящее ощущение, что их встреча не случайна.

«Господи, прости меня, грешного, — мысленно взмолился он. — Я знаю, что не должен даже думать о ней. Она же императрица, а я простой монах. Между нами пропасть. Но если Тебе угодно, чтобы я помог ей чем-то, укажи путь. А если это искушение, то дай сил его преодолеть».

Он перекрестился и решительно направился к выходу. Хватит терзаться. У него есть дело. Нужно передать папе Урбану письмо епископа Сигварда и получить аудиенцию. Всё остальное потом.

У ворот епископского дворца снова стояла стража. На этот раз Александр подошёл к старшему и, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, произнёс:

— Я посланник епископа Шлезвига Сигварда. У меня письмо к его святейшеству папе Урбану. Прошу доложить обо мне и назначить время аудиенции.

Стражник, тот самый пожилой воин со шрамом, с которым он говорил вчера, смерил его взглядом. Монашеская ряса, арбалет, меч на поясе, усталое, но решительное лицо, покачал головой с сомнением, но кивнул.

— Жди здесь. Я доложу камерарию.

Он скрылся за воротами. Александр остался стоять, прислонившись к каменной стене и глядя на окна дворца. Где-то там, за этими стенами, была она императрица Адельгейда, Евпраксия Всеволодовна, сестра Владимира Мономаха, русская княжна на троне Священной Римской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.